

Лариса Кондрашова

Обратная сторона личной свободы

Лариса Кондрашова

Обратная сторона личной свободы

«АСТ»

Кондрашова Л.

Обратная сторона личной свободы / Л. Кондрашова — «АСТ»,

Людмила всегда стремилась быть самостоятельной, независимой, и поначалу ей это действительно удавалось. Но однажды она попала в очень нехорошую историю, ей на самом деле грозила опасность, и ко всему прочему примешивалась еще и горечь разочарования в любимом. И вот тут то, когда ей понадобилась настоящая поддержка, Людмила поняла, что помочь ей могут только родные – мать, отец, которого она никогда не видела, отчим, считавший ее родной дочерью. И стоило ей осознать, что семья – это и есть главное для каждого человека, как все встало на свои места. И самое главное – она задумалась: действительно ли возлюбленный ее предал или произошло чудовищное недоразумение?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лариса Кондрашова

Обратная сторона личной свободы

*– Смотри, осторожней! Не лазай на крышу!
Зачем тебе небо? Зачем тебе выше?*

*Она не прочна и не выдержит веса.
Вон стадо овечек – пасутся у леса.*

*Вон домики строят, столы с куличами...
Зачем тебе крылья нужны за плечами? —*

*Я в крайность впадаю, я в детство впадаю,
А падаю вниз – и от боли рыдаю.*

Ольга Альтовская

Глава первая

Она стояла перед бабкой и кричала. Вопила как резаная. И самым приличным словом в ее крике было... как говорила сама бабка: порождение ненормативной лексики, означавшее название собаки-самки.

Бабка же грамотная. Как-никак бывшая учительница младших классов.

Она даже во время этой, надо сказать, безобразной сцены стояла и смотрела на расхоdivшуюся внучку сурово и с брезгливостью – как на шелудивого котенка, наделавшего лужу на ее любимом ковре, – отчего та злилась еще больше.

Потом Людмила выдохлась и села в коридоре прямо на пол, уставясь перед собой остановившимся взглядом.

Теперь она невольно видела бабкины ноги в дорогих домашних тапочках с львиными головами, застывшие чуть поодаль. Львы будто охраняли своего хозяина – Аллу Леонидовну Дьяченко, взирающую с высоты своего роста на нечто непотребное.

Ее внучка, выросшая в интеллигентной семье, просто не могла знать таких слов. Таких мерзких слов, которые не могут вылетать из нежного девичьего рта. Такие слова могла бы произносить дочь сапожника или мусорщика, но инженера?

Бабка Алла Леонидовна все еще высилась посреди коридора крепко сбитой глыбой, проявляя скупые эмоции на красивом моложавом лице, но Людмиле, сидящей на полу, она казалась увеличенным болванчиком, похожим на того, который стоял в гостиной на пианино. На неподвижном, расширявшемся книзу силуэте, если толкнуть его пальцем, раскачивалась такая же, как у бабки, голова, с гладко прилизанными волосами, затянутыми на затылке в пучок аля училка.

На самом деле бабка могла выглядеть совсем по-другому. Особенно когда распускала свои длинные русые волосы с умело покрашенной сединой. Молодилась. Если раньше Людмила посмеивалась над этой ее слабостью: несмотря ни на что, выглядеть моложе своих лет, то теперь ненавидела. И за это тоже.

За полчаса до сцены с матом в адрес бабки Людмила почти так же кричала в лицо Николаю:

– Убирайся вон, ты, дрянь!

И рассыпала, хохоча, целую дробь неприличных выражений. Тра-та-та-та-та!

И видела перед собой его испуганные глаза. Он до этого и не представлял, что его Люсенька, его Былинка, его Тихий Ручеек может в один момент превратиться в разнузданную фурию. В монстра. В панельную девку, потому что девушки из порядочных семейств таких слов не употребляют.

Получается тавтология: он не знал, что она знала такие слова. А что он вообще знал? Думал, возьмет в жены робкую девчоночку из хорошей семьи, которая по окончании Николаем военного училища безропотно поедет с ним на край света. В гарнизон! Она не выкрикнула, а прокаркала это слово: гарнизон! И показала фигу: вот тебе, гарнизон!

А он все стоял и пялился в недоумении, куда подевалась его Люсенька – юная, хорошенькая, с ясными голубыми глазами, которая – надо же, как удобно! – в один год с ним должна была окончить свое медицинское училище. Медсестры нужны везде и всегда. Так что проблем с работой для нее не предвиделось.

Николай присматривался к Людмиле давно. Но тогда, приехавшая в дом по соседству, она была еще маленькая, всего четырнадцати лет. Малек, со временем обещавший вырасти в красивую рыбку, которая плавала бы на зависть другим в его семейном аквариуме.

Прежде он встречался с уже взрослыми, совершеннолетними девушками, своими ровесницами. Зачем было рисковать, заводить роман с соплячкой? Совсем иное дело теперь, когда ей скоро исполнится восемнадцать лет. Как раз подойдет срок подачи в загс заявления о регистрации брака. А пока можно немного погулять, поцеловаться, потрогать, не нарушая его целостности, запретный плод... Как говорится, продлить желание. В крайнем случае у него имелись знакомые девушки, которые могли снять напряжение. Это даже его заводило: такая вот раздвоенность. Там он крутой, страстный мачо, здесь – робкий, тихий влюбленный.

С самого начала она потребовала у жениха, чтобы тот называл ее Люсьеной. Вычитала в словаре, что это имя французское и означает – сила в битве. По крайней мере не Людмила – милая людям! Это его умилило: она показалась ему такой маленькой, наивной. Воительницей себя представляет.

Она говорила, что в восемнадцать лет поменяет имя Людмила на это – Люсьена. Но он и так звал ее Люсенька-бусинка. Или просто Лю-лю. Вначале звучало это как-то... по-блатному, что ли. Но потом она привыкла. Даже вроде нравилось. И вдруг сегодня такой облом! При том, что Николай уже сказал о своей невесте родителям и друзьям. Показывал им фотографию, на которой Людмила получилась прямо-таки киношной красавицей. Друзья ему завидовали. Некоторые даже ехидничали. Мол, такая красотка лейтенанту не по звездам. Первый же подполковник уведет...

Людмила смотрела вслед жениху, теперь уже бывшему, почти без сожаления. Чего она вообще напридумывала себе, будто он тот, о ком она всегда мечтала. Если быть честной, то он выглядел именно так, как ей никогда не нравилось. Ни внешне, ни в поступках. Губошлеп! Нерешительный. Зацикленный на авторитетах. Святоша. Да еще и хитрож... Раз дав себе волю, она уже в выражениях не стеснялась.

Ничего, сегодня у нее день такой: рубить концы. И с Колей. И с бабкой. И вообще со всей родней.

Интересно, чего бабка вдруг решила слить ее в канализацию? Вроде до этого все было нормально. Точнее, между ними установилось относительное равновесие. Никто из женщин – ни юная, ни старая – не лез в дела друг друга. Как-то негласно обозначили статус-кво, которое не нарушали. Может, бабке не понравилось, что Люда решила выйти замуж?

Она помнила, как четыре года назад, в четырнадцать лет, родители отправили ее с Севера на «материк», под опеку бабушки-педагога. Думали, что передают в надежные руки. Им и в страшном сне не могло присниться, что девочка окажется предоставлена самой себе. Отпущенной на волю вольную. Домашняя, всегда находившаяся под присмотром взрослых.

– В полдесятого чтоб была дома! – приказывал отец, и она подчинялась. Со всех школьных мероприятий, товарищеских встреч мчалась домой, с опаской поглядывая на часы – не опаздывает ли?

А чтобы произнести матерное слово... Да у нее губы не осмелились бы для таких слов сложиться!

Мама Вероника, отправляя дочь в родной город – тот, в котором родилась и провела несколько лет после учебы в Питере, уже специалистом с дипломом, – думала, что ей там будет лучше. Не к чужой тете едет, к родной бабушке. Именно под ее твердой рукой Вероника стала тем, кем стала, – достойным членом общества. Потому что ее воспитывали в строгости и смирении.

Маму, но не Люду. Вот в этом Вероника Тимошина ошиблась. Не учла, что у них с дочерью характеры слишком разные. Для Людмилы слово «смирение» вообще не подходило. А если бы она еще знала, что ее папа вовсе не папа, а отчим, вряд ли слушалась бы его столь беспрекословно.

Вероника Дьяченко была человеком мягким, не тяготилась ролью вначале послушной дочери, потом послушной жены и чувствовала себя вполне счастливой под опекой мужа, принявшего эстафету от тещи и продолжавшего ту же линию строгости и непререкаемости.

Почему вдруг ей пришла мысль услать от себя дочь? В какой-то момент ей показалось, что муж Виктор – отчим Людмилы – уделяет слишком много внимания подрастающей девочке. А тут еще накануне она прочитала книгу о том, как отчим соблазнил падчерицу, – не «Лолиту», нет, гораздо более откровенную, вот и напридумывала себе, будто дочь нужно отправить к бабке. Так ей будет спокойнее.

Девочка не знала, что отец у нее неродной, и, посоветовавшись, супруги Тимошины решили вообще не говорить ей об этом. Зачем? Виктор Люду официально удочерил, в свидетельство о рождении вписали его имя-фамилию. Как и отчество девочки – Викторовна.

Людмила в отличие от матери над собой насилия не терпела и очень скоро поняла, что ее воинственная бабка просто не встречала до сих пор достойного отпора. Тихий ребенок – дочь – на ее глазах постепенно превратился в тихую девушку, которая почти не доставляла ей никаких хлопот.

И словно в насмешку на старости лет она получила под свою опеку внучку – настоящее исчадие ада! Она никак не могла понять, что ребенка, а тем более юную девушку нельзя воспитывать только запретами и суровостями, ей нужно кое-какое подтверждение тому, что воспитатель имеет право учить, потому что сам свои постулаты исповедует. И в них верит. Человеку двуличному верить трудно. Особенно юным максималистам.

Алла Леонидовна, в прошлом учительница младших классов, по ее мнению, только из-за козней коллег не получившая звание «Заслуженный учитель», на самом деле вовсе не обладала чертами, присущими прирожденному воспитателю детей.

Но вот судьба бросила ее вначале в педучилище, а потом и в сельскую школу, и она этому не противилась. Плыла по течению не задумываясь: а может, стоит сменить профессию?

По истечении десятка лет сельская школа, в которой она учительствовала, превратилась в городскую – большая станица получила статус города. И в этой школе Алла Леонидовна Дьяченко проработала всю свою жизнь до выхода на пенсию, ездила на занятия на маршрутке из краевого центра в этот город-спутник. Что поделаешь, не всем везет и не все получившие диплом учителя становятся педагогами по сути.

То, чего ожидала от матери дочь – быть одновременно и бабушкой, и педагогом, – не произошло. Вместо роли педагога Алла Леонидовна, по сути, исполняла роль надзирателя женской тюрьмы. А Люда при ней была единственным заключенным, который постоянно устраивал бунты или просто бузил, причем надзирательница не могла с достоверностью сказать, когда очередное восстание начнется.

Не раз у нее возникало желание отправить внучку обратно к матери, но... Сколько было этих «но», сразу и не сочтешь.

Во-первых, дочь Аллы Леонидовны присылала деньги на внучку. Причем такие приличные, что отказываться от них уже не хотелось. Дочка с зятем работали на севере Тюмени и получали немало, столько здесь, на юге, большинству людей и не снилось.

Алла Леонидовна постепенно привыкла иметь в кошельке вовсе не пенсионные деньги – интересно, смог бы кто-нибудь из служб соцобеспечения жить на три тысячи рублей в месяц? И покупать себе что-нибудь еще, кроме хлеба и молока, о чем так беспокоятся политики? Посадить бы их на эти хлеб и молоко! При том, что врачи все время убеждают: пища на две трети должна быть растительной. То есть фруктово-овощной, что и на юге ого-го как кусается!

А с помощью дочери она получила возможность покупать и лучшие колбасы, и деликатесные консервы, да и себе порой могла позволить приобрести ту или иную тряпочку. Ведь, как известно, женщина в возрасте должна хорошо одеваться, чтобы на нее обращали внимание мужчины.

Во-вторых, в сумму ежемесячного содержания внучки вовсе не входила ее одежда – тут родители одевали Людмилу собственноручно и порой присылали ей такие вещи, что юная мерзавка выглядела в них как королева.

В-третьих, как можно отправить куда-то почти совершеннолетнюю девушку без ее желания? Та вовсе не хотела возвращаться в ставшую ей чужой Тюмень.

В-четвертых, прописанную в твоей квартире... с дури, конечно!

Тут Алла Леонидовна лукавила сама с собой. Дело в том, что Людка собралась замуж. За курсанта ракетного училища Колю Переверзева. Парень жил через два дома от Дьяченко. Вернее, жил до поступления в училище. Теперь он уже оканчивал пятый курс, был на государственных харчах, то есть полном государственном содержании, чем весьма гордились его родители.

Алле Леонидовне довелось как-то разговаривать с его матерью. Совершенно случайно. Та разглагольствовала, что они с мужем кладут деньги на книжку, чтобы, когда сыночек получит звание офицера, закатить ему свадьбу. Таковую, чтобы перед людьми не было стыдно.

«Прозевала я Людку-то, прозевала», – говорила себе Алла Леонидовна, вспоминая, какой приехала к ней внучка, подросток четырнадцати лет, робкий, тощий цыпленок. То есть по меркам бабки.

А так-то у нее все уже было на месте. И сисенки, и попа. Только талия тонкая, впору переломиться. И глаза огромные, голубые, такие ясные, что хотелось сравнить с каким-нибудь цветком. Казалось, она все еще чему-то удивляется. Может, тому, что мать так рано ее от себя отправила?

Хотя совсем уж никчемной девчонкой Людмила не была, бабушка ею вначале даже гордилась. Самостоятельно поступила в медицинское училище, когда конкурс туда был не меньше, чем в институт. И училась вроде неплохо. По крайней мере на первом курсе ее куратор говорила, что у девочки «светлая голова».

В ту пору Алле Леонидовне пятьдесят четыре года исполнилось – так получалось, что в ее роду женщины рано рожали. Сама она мать Людмилы, Веронику, – в двадцать лет. Вероника Людку – тоже в двадцать лет.

Так вот, Алла Леонидовна привыкла жить одна, в спокойствии и свободе. А свобода ей была нужна для самого обычного дела – тесного общения с одним человеком, с которым Дьяченко время от времени встречалась в своей квартире уже два года и ко времени приезда внучки все еще не собиралась расставаться.

К сожалению, после появления в ее жизни Людмилы связь Аллы Леонидовны с этим человеком долго не продлилась. И все из-за этой неблагодарной девчонки, которая не ценила

ни заботу родной бабушки, ни то, сколько она времени на нее потратила. Можно сказать, отказавшись от личного счастья.

Теперь у Аллы Леонидовны другой мужчина и лет ей пятьдесят восемь, но это вовсе не значит, что она и теперь готова принести себя в жертву и нянчиться с внучкой, которая вовсе не заслуживает хорошего к ней отношения. Вероника назвала ее Людмилой. Зачем? Ей больше подошло бы имя Варвара, такая она выросла дикая и невоспитанная.

Люда и сама своего имени не любила. Напрасно мать в свое время уверяла, что как это здорово: Людмила – значит, людям милая.

– Я не хочу быть милой людям, – хмурилась она. – Зачем мне все люди? Пусть я буду милой Максусу. – К тому времени у матери родился второй ребенок – сын, и Люда любила его, как прежде не любила никого на свете. – Еще тебе и папе...

В то время Люда не знала, что отец у нее не родной. Тогда не знала и сегодня утром еще не знала. Вот теперь узнала. Совсем недавно...

Глава вторая

Внутри у Людмилы все кипело: предатели, сволочи. Маменька выпихнула ее из дома, чтобы дочь... не соблазнила ее муженька, так, что ли? Отца. Папу?! Неужели она совсем уже сбрендила, если могла подумать такое о дочери?!

По крайней мере так сказала ей об этом бабка. А ей с какой стати врать?

– Побоялась, что Виктор-то к тебе начнет интерес проявлять. Ты ж ему не родная, так что никакого инцеста, а всего лишь интерес мужчины к юной девушке.

От такого «открытия» хотелось рыдать. И противнее всего, что Николай стоял рядом с Людой и это все слышал.

Папа, выходит, отцом не был, а просто им притворялся. Да так искусно, что Людмила ни о чем не догадывалась. Неужели ему было ее совсем не жалко?

И вообще, все эти Тимошины хоть имели представление о том, через что Люде пришлось пройти? В четырнадцать-то лет много разве у человека ума в голове? Ему – то есть ей – все было интересно. Все запретные плоды, которые порядочные девушки... нет, девушки, живущие под надзором матери, не пробуют. У них такой возможности нет.

В медучилище полно было таких подростков, которые по той или иной причине жили вдали от родителей. И воспитатели общежития только делали вид, что держат руку на пульсе. Главное, и студенты этому быстро учились, было не попадаться.

Здесь Люда не только дневала, но и порой ночевала, звоня, конечно, бабке, что будет в общежитии с подругой готовиться к экзамену. И номер комнаты называла. На всякий случай. Уверена была, что Алла Леонидовна ни за что сюда не придет. Она тоже, как и общежитские воспитатели, исполняла свои обязанности чисто формально.

Людмила, между прочим, не только анашу курила. Кокаин нюхала. И однажды даже согласилась, чтобы ей вкололи героин.

Но на иглу, к счастью, не села. Во-первых, к тому времени она уже немало читала на тему наркотиков. Да и вообще, несмотря на юные годы, она все же не была круглой душой. Масло в голове у нее имелось. Короче, она вполне представляла себе, чем такое увлечение может кончиться, и потому от страха даже перестала встречаться со своими новообретенными друзьями – некоторые из них уже были законченными наркоманами, а другие примеривались, быть или не быть...

Эти друзья попытались ее доставать, грозили пальцем, мол, нехорошо спрыгивать на ходу, но Людмила солгала, что бабка у нее работает в милиции и пусть только попробуют к ней сунуться, мало не покажется.

Она представила себе, как у любимой мамочки, узнай она все дочкины похождения, отразился бы ужас на лице, и злорадно засмеялась.

За что? За что с ней так подло обошлись? Причем не какие-то там посторонние люди, а те, кого она считала близкими и родными. И среди них – папа. Папа Витя! А она-то думала, что он ее по-настоящему любит, ведь дал же он ей свое отчество и фамилию. Неужели просто так, как дал бы имя какому-нибудь бродячему щенку?

Мать – с ней все понятно. Если бы Люда знала раньше... Она давно бы уехала куда глаза глядят, подальше от них всех.

Все началось с того, что Людмила с бабкой опять поссорилась, и та сказала вот эту самую фразу:

– Ты никому не нужна, даже родной матери! Они спихнули тебя мне на шею – и успокоились. Лучше бы в детский дом отдали.

Какой детский дом? У нее даже в глазах потемнело. Если Алла Леонидовна думает, что Люда не нужна родной матери, то неужели и отцу тоже...

– Папе, я папе нужна! – закричала ей Людмила.

Но бабка злорадно расхохоталась:

– Папа? Какой он тебе папа? У него есть родной сын Максим, а ты ему – никто! Вот в этом ты вся. Даже не поинтересовалась, в каком возрасте твоя мать вышла замуж, и не посчитала, что твой так называемый папа взял ее с ребенком. У них разница в возрасте – восемь лет. Посчитала бы. Не в двенадцать же лет он тебя родил!

– Заткнись, дура, что ты несешь!

То есть Людмила сказала бабке именно это только другими словами. При Кольке. Но ведь и бабка не стала его стесняться. Выставила внуку на позор перед тем, с кем та собиралась идти в загс.

Между прочим, как раз завтра они и должны были нести туда заявление и бабке – зачем? – сказали об этом первой.

Ведь Люда чувствовала, что та ее не любит, зачем поторопилась «обрадовать»? Затем, что до последнего момента была уверена, родная бабушка не может сделать пакость родной внучке. Какие бы ни были между ними разборки, но чтобы выносить их на люди... Трясти грязным бельем перед женихом!

У нее опять мелькнула мысль, что бабка нарочно спровоцировала этот скандал, чтобы отвратить от нее Кольку. Не хотела, чтобы внучка вышла за него замуж... Но уж больно неправдоподобным показалось Людмиле такое предположение. Зачем бабке ссорить ее с женихом? И как она могла просчитать, что Людмила из-за такой ерунды с ним именно поссорится?

Она и подумать не могла, что это ее невероятное предположение было вполне реальным. Алле Леонидовне вовсе не хотелось лишаться уже привычного содержания из-за какого-то курсанта. Она так привыкла распоряжаться деньгами внучки, стала уже откладывать на старость, как вдруг...

Эта маленькая дрянь сказала ей, что они с Колей уйдут на квартиру! Пусть бы и шли, если только это. Ей вовсе не улыбалось жить рядом с молодыми и уж тем более нянчить правнуков, как восторженно говорила одна из ее знакомых. Вот это: нянчить правнуков – больше всего выводило ее из себя. В ее возрасте не все даже внуков имеют!

И вообще, почему этот курсант так запал на Людку? Ну что в ней хорошего? Когда Алла Леонидовна разводилась со своим мужем, она думала, что тут же выйдет замуж за своего любовника. Но он как только узнал, что она свободна, тут же дал деру. И так все остальные годы. Почему больше никто не предлагал ей замужество? Что в ней было не так?

Внучка о ее резонах и не подозревала. Со всем нерастрченным пылом юности она кинулась воевать с родной бабушкой, ничуть не думая о последствиях. То есть Люда считала, что жених станет на ее сторону, поддержит, прикажет Алле Леонидовне заткнуться, чтобы она не поганила своим злобным ртом внучкину судьбу.

И что она услышала?

– Людочка, перестань, не надо, ты не права...

Вот таким он был, расчетливым. Нет, точнее, умеющим просчитывать будущее. Думал, что глупо ссориться с человеком, от которого так много зависит. А то, что не пожелал кооперироваться с невестой, тоже шло из того же понимания. Думал: куда она денется, Люська-то? Ей ведь замуж хочется, как и всем остальным девушкам. А тут свежее испеченный лейтенант, с перспективой. Может, он до генерала дослужится!

В крайнем случае, думал, с Люсенькой ничего не стоит помириться, а попробуй помириться с этой неумной гримзой. Нашла, когда выяснять отношения. Подумаешь, отец неродной. Николаю это было по фигуре. Скоро они уедут отсюда: прощай, труба зовет, и поедут по стране, по гарнизонам – какие уж тут родственники. В отпуске бы успеть всех навестить!

Но то, что случилось потом, повергло его в шок. Почему, за что? Он всего лишь отнесся с уважением к ее бабушке. Но какова Людмила! Где она набралась таких словечек? И как до

этого удачно притворялась! Вот ему бы сюрприз был после женитьбы-то. Милые бранятся, только тешатся. Как же! На ком же он чуть не женился?

Она и его понесла по кочкам, как свою придурковатую бабку.

Но и Людмила была в шоке. Ни бабка, ни Колечка не думали, что кричит она от растерянности, от бессилия. От вспыхнувшего вдруг понимания: она одна!

Как тот же Переверзев собирался с ней жить? Кто обязывался стать ее защитником, единомышленником? Не права она, видите ли!

Подумаешь, чистоплюй! Если уж на то пошло, Люде надоело притворяться перед Николаем пай-девочкой. Может, он думает, что она вообще девушка? В том смысле, до сих пор не знала мужчины?

Так и сказала:

– У-тю-тю, не права! Может, ты меня и девственницей считаешь?

Она передразнила жениха, теперь уже бывшего, и злорадно отметила, как округлились бабкины глаза. Не ожидала? Значит, для нее это тоже сюрприз? Сама виновата, старая крыса. Не надо было позорить внучку перед женихом накануне свадьбы!

«Радуйся, добила своего. Жених получил такой пинок, что теперь вряд ли вернется. А вернется, пусть с тобой и целуется».

Люда открыла шкаф, где лежали ее вещи, и начала складывать в дорожную сумку одну за другой свои юбочки и кофточки, футболки – все, что могло понадобится в ближайшее время. Стояла вся распустившаяся южная весна, с ее неустоявшимся теплом, когда днем температура могла подскочить до плюс двадцати пяти градусов, а ночью упасть до заморозков.

Апрель, апрель, на дворе звенит капель. На самом деле уже отзвенела. И южанки выпрыгнули из плащей в сарафанчики, демонстрируя желающим незагорелые ноги и бледное декольте. Но, памятуя о коварстве апреля, все же не доверяли ему, таскали в сумках и пакетиках пусть и тонкие, но с длинным рукавом кофточки.

Солнце заливало окрестности, народ радовался весне, а у Людмилы внутри все застыло.

Она тащила за собой сумку на колесиках, которую подарил ей... отчим. Какое противное холодное слово, и почему-то она никак к нему не привыкнет?

Куда идти, к кому? Люда не имела понятия. Куда-нибудь. К той же Вальке Быстровой, которая снимает двухкомнатную квартиру вместе с одной такой же девчонкой из обеспеченной семьи, потому что обходится им это по три с половиной тысячи рублей с носа. Девчонки могли бы взять на квартиру еще кого-нибудь, чтобы платить поменьше, но не хотели.

Правда, в том, что на пару дней они Людмилу к себе пустят пожить, та не сомневалась. Жалко только, что денег у нее нет. Бабка давала их ей так скупно, что девушке едва хватало на проезд, чашку кофе и булочку.

– Дома ешь! – ворчала бабка. – Не для того я готовлю, чтобы собакам отдавать...

Она вспомнила, что, перед тем как уйти из дома, присела на свою кровать, на которой спала все эти четыре года, и окинула прощальным взглядом комнату – не забыла ли чего, дорогого сердцу, как сказала бы мама.

Мама... Мать. Нужно говорить о ней именно так. Потому, что мама – это женщина, которая не отпустит от себя дочку, если ей исполнилось всего четырнадцать лет, жить рядом неизвестно с кем... Странно, что тогда Людмила радовалась неожиданной свободе, а сейчас представляла себе все так, что ее из дому как будто выгнали.

Просто теперь, спустя четыре года, Людмила понимала: девочек в таком возрасте нельзя предоставлять самим себе. И возможно, что мать уже не раз об этом пожалела. Или не пожалела. Она ведь не знает, как на самом деле живет ее дочь.

Но что теперь рассуждать, если бы да кабы, все равно уже ничего не исправишь.

А тогда, четыре года назад, Люда была глупая. Тогда радовалась, что уезжает из дома, на юг, совсем недалеко от моря. Полтора-два часа на автобусе или минут пятьдесят на своей машине. Если, конечно, за рулем такой водитель, как Рыжий. У него был старый «москвиченок». Непонятно было, как он и ездил. Вроде какой-то мужик подарил Рыжему ржавевшую в гараже рухлядь, а тот с помощью друзей-товарищей ее подшаманил. По крайней мере до моря со своей компанией доезжали и отдыхали там в палатках, купаясь до посинения...

Рыжий был ее первым мужчиной. Людмиле в то время не исполнилось и пятнадцати. Но воздух свободы ее будоражил тем, что ей все было можно. Все, что она захочет!.. Кто думал о каких-то там последствиях?

Бабка, не сумев справиться, махнула на нее рукой. Своевольная девчонка в руки не давалась, и в какой-то момент Алла Леонидовна себя успокоила тем, что ничего с ней особенного случиться не может, раз до сего времени не случилось.

В конце концов, до этого же родители ее воспитывали. И вряд ли ходили за ней следом. Им, родителям, виднее. Раз они решили, что девочку можно отправить от себя, значит, о ней не слишком волнуются. Не думают же они всерьез, будто бабка станет ходить за взрослой девочкой хвостом? Достаточно того, что она ее кормит и обстирывает. Кому не нравится, пусть делают это сами.

Людмила поступила, как и хотела, в медучилище и училась, между прочим, с удовольствием. Особенно первый год. Когда она была все еще скромной домашней девочкой и слушалась бабушку, хотя в душе считала ее деспотом.

Правда, скорее, из вежливости. Думала, раз она у бабушки живет, то и должна стараться ее не огорчать. Ну там пререканиями или поздними возвращениями. То есть в воспоминаниях она отмечала, что не сразу обрела свободу, что ей пришлось за нее побороться.

Итак, судя по воспоминаниям, время относительного послушания... укладывалось всего в четыре месяца! Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах...

А потом Людмила вдруг почувствовала, что бабке все равно, как она проводит свободное время и с кем. И больше не стала заморачиваться: понравится что-то Алле Леонидовне или не понравится? То есть она могла бы быть осторожнее из любви к родственнице или чувствуя ее любовь и интерес к себе, а так, ради какого-то там режима или устава, не стоило и напрягаться...

Рыжий учился на последнем курсе медучилища и собирался поступать в медицинский институт, когда Люда только поступила за первый курс. Он был уже опытный фельдшер, а так как помогать в жизни ему было некому, Рыжий подрабатывал где только можно. Он твердо решил, что станет врачом, и на всякий случай для этого даже откладывал деньги. Ну, если ему не удастся поступить на бюджетное отделение.

Вообще же в их среде детдомовцев считалось, что врачом может стать лишь тот, у кого родители с тугим кошельком и могут заплатить кому надо сколько надо. Но Рыжий если что вбивал себе в голову, то шел к цели, цепляясь не только руками, но и зубами.

К счастью, накопления ему не понадобились, потому что сдал он экзамены хорошо, имел не только приличный диплом, но и опыт работы. В копилку «заслуг» легло и его детдомовское прошлое, так что в институт он поступил.

Теперь Рыжий учится на четвертом курсе меда и собирается стать хирургом. Люда уверена, что из него получится блестящий хирург. Именно так, в превосходной степени. Она это чувствовала, хоть и была, по его мнению, соплячкой, у которой и своего мнения-то быть не могло.

Современные врачи, шутила прежде Людмила, такими и должны быть: твердыми и безжалостными.

— Чего это я безжалостный? — нарочито-удивленно вскидывал Рыжий свои черные стрельчатые брови.

– Потому что ты меня не пожалел.

Он фыркал. И не соглашался с ее утверждением.

– Дурочка! Как раз наоборот, я тебя пожалел и помог тебе войти во взрослую жизнь без страха и упрека... Какой-нибудь лох ушастый мог бы навек отвратить тебя от интимной жизни, а я ввел тебя в секс аккуратно и весело...

Еще бы, он заставил ее выкурить сигарету с марихуаной, а потом, когда ей действительно стало весело и безразлично все, что с ней случится, сделал женщиной. Что правда, то правда, никаких неприятных ощущений она почти не помнила. Разве что небольшую боль внизу живота на другое утро...

Он и в другом ее пожалел. За все два года, что Людмила с ним жила, она ни разу не забеременела. Потому на перечисляемые Рыжим случаи, когда он ее «жалел», она отвечала присказкой отца... Отчима!

– Пожалел волк кобылу: оставил хвост и гриву!

Когда Рыжий перешел на второй курс мединститута, их отношения как-то сами собой сошли на нет. Необидно как-то. Прошли, и все. У Рыжего появились девушки из студенческой среды, а Людмила познакомилась с той самой развеселой компанией. По выражению самого Рыжего, пошла вразнос.

Он тогда нашел ее – кто-то ему о ней нашептал, что ли, – и строго сказал:

– Кончай эти игрища!

– Тебе-то какое дело? – схватила Люда.

По правде говоря, она и сама собиралась опасную компанию покинуть, да все как-то духу не хватало. Вроде она предавала тех, с кем до того было весело и интересно.

Если уж на то пошло, он ее всего лишь подтолкнул. Но себе наверняка записал в актив, как он спас бывшую любовницу, поднял ее наверх с самого дна...

А потом она стала встречаться с Колей Переверзевым, с которым до того просто здоровалась. Они были прежде едва знакомы. Встретились случайно в одной компании, где Коля был с какой-то девицей, а она – не помнила с кем. С кем-то из своей коды, из которой потом все-таки слиняла.

Правда, когда Переверзев стал встречаться с Людмилой – а было это дело на четвертом курсе, – Коля уже считался как бы «дедом» и мог не страдать особо от училищных режимов и нарядов вне очереди.

Он и перед ней старался выглядеть таким лихим гусаром, не подозревая, что она, учившаяся на фармацевта уже четвертый год, по сравнению с ним опытная женщина. По крайней мере несмотря на разницу в возрасте: Коле было двадцать один, а ей – семнадцать, Людмила видела его насквозь. И ей ничего не стоило прикидываться девочкой чистой, неискушенной, именно такой, какая должна была ему понравиться. И какой он создал ее в своих мечтах.

Секса между ними не было. И вовсе не потому, что Людмила ему в этом отказывала.

– Ты несовершеннолетняя, – говорил он, – я не могу рисковать. Узнают, из училища попрут. Давай не будет торопиться?

– Давай, – соглашалась она.

При всем умении Рыжего сексом Людмила не очень увлеклась. Так, больше ему уступала. А сама она вполне могла без секса обходиться. Чего в нем хорошего?

Потому, когда просто целоваться с Людой стало ему нелегко, Николай предложил зарегистрировать брак. Сам вычислил и подгадал время, когда им надо было отнести заявление: за два месяца до ее дня рождения – совершеннолетия.

Глава третья

И вот бабка все испортила.

Между прочим, Людмиле интересно было почувствовать себя замужней женщиной. Меньше чем через два месяца он получил бы диплом, она диплом фармацевта, и поехали бы Переверзевы куда-нибудь в дальний гарнизон – Люда ничего такого не боялась. Насчет гарнизона она орала из вредности. А со своей специальностью она всегда бы нашла работу, тут Коля был прав. Даже просто ходить кому-то уколы делать, и то – живая копейка. Она входила во вкус, пользуясь такими вот выражениями. И сразу начинало казаться, что ей намного больше лет, чем на самом деле.

Коля всегда был чересчур правильным, вот в чем все дело. То есть правильным до дебильности. Он не видел – или предпочитал не видеть? – очевидного. Считал, что старшим надо верить безоговорочно, а что больше всего ее возмутило, так это, что он встал на сторону бабки, даже не вникнув как следует в то, что она сотворила.

С одной стороны, его можно было понять: он не поверил в то, что родная бабушка может сознательно портить жизнь своей внучке. Но ведь он собирался стать офицером и всю жизнь работать с людьми. Воспитывать их, командовать ими, а он такой... не то чтобы доверчивый, а будто равнодушный. Не творческий, как, например, Людмила.

Она во всем должна была убедиться сама, а не просто принимать на веру любое утверждение. К тому времени она уже твердо знала: взрослые люди ошибаются ничуть не реже, чем молодежь. А значит, просто верить им на слово – глупо. Нужно самому во все вникать и выяснять на опыте, правильно то или иное утверждение или нет?

Как-то наплеватьски относился Коля к жизни и к своей будущей жене. Плыл по течению. И может, к лучшему, что у них все разладилось...

Однако неужели он даже наедине с собой не размышлял, не прикидывал, как должно быть и как есть на самом деле? Неужели он ни в чем не сомневался?

Если это так, ей не нужен подобный муж. Жить-то с ним придется по законам жизни, а не по воинскому уставу, где раз и навсегда все прописано.

Ну да Бог с ним, с этим Переверзевым. Если на то пошло, Людмила и не слишком его любила. Может, со временем бы научилась, но уж слишком он отличался от рано повзрослевшего и отвечающего за свои поступки Рыжего. Вот уж кто был ответственен, так это он. Не без некоторого пиратства и ухарства.

Он и Людмилу кое-чему научил. Например, не бояться трудностей и не отступать в достижении своих целей.

Нет, без него она бы совсем пропала. По крайней мере после того бабкиного выступления, в некотором роде не поддающегося объяснению. Чего это она столько лет молчала, а потом в самый неподходящий момент вдруг распустила язык?

Того, что случилось позднее, и сама Алла Леонидовна никак не ожидала. По крайней мере о том, что Людка вдруг соберет сумку и уйдет, она и думать не думала.

Потому, когда внучка, наоравшись, ушла в свою комнату и в ней закрылась, Алла Леонидовна решила: переберется. Так уже было. И закрывалась, и днями не разговаривала, а потом – ничего. Людмила отходчивая.

Правда, о том, что никогда прежде свою внучку она так не обижала, не подумала. И преспокойно пошла в магазин, куда сегодня должны были завезти дешевые мандарины. Ей об этом знакомая продавщица говорила. Вроде раза в полтора дешевле, чем на рынке. Алла Леонидовна и взяла сумку побольше. Килограмма два купить, а то и три.

Но когда внучка не вышла к ужину и вообще не подавала никаких звуков, в комнату к ней заглянула. Вначале осторожно тронула дверь, не заперто ли, а когда вошла и увидела,

что никого нет, почувствовала некоторый холодок: что она скажет дочери? В первый раз ей придется оправдываться и что-то лепетать, объясняя уход Людмилы из дома.

А вечером позвонила Вероника. Материнское сердце – вещун, высоким штилем подумала Алла Леонидовна, но почти тут же явственно усмехнулась: хорошо, Вероника не видит этой ее ухмылки. Да если бы и увидела, вряд ли чего-нибудь бы сказала. Бойтся мать до сих пор!

Но и здесь она ошиблась, потому что Вероника вдруг потребовала позвать к телефону Людочку. Именно так она и сказала. Послушала бы, какими словами обогатился лексикон ее прекрасной Людочки! Как ловко она матерится, не обращая внимания ни на присутствие пожилого человека, ни своего жениха.

От злости она впервые сказала так о себе: пожилой человек. Хотя на самом деле пожилой себя вовсе не считала.

– Ее нет дома, – вынуждена была сказать правду Алла Леонидовна.

– Как так, нету? – завохтала Вероника. – У вас же девять часов вечера!

Иной раз даже послушная доченька ее раздражала. Так уж она хлопочет, так переживает!.. Если ты такая заботливая мать, зачем дочку от себя отправила? Переложила свою заботу на чужие плечи и думала, проблем не будет? Рассосется само собой?

– У нас-то девять, а вот тебе чего не спится среди ночи? – вопросом на вопрос ответила Алла Леонидовна.

– Сама не знаю чего, – призналась дочь. – Проснулась от дурного предчувствия. Сон такой страшный приснился... Так ты не сказала, где моя дочь.

И тут Аллу Леонидовну прорвало. Она уже не думала о том, что дочь теперь лишит ее содержания, что станет обвинять во всем, а то еще прикатит со своих северов.

Ничего, пусть все знает! Пусть поймет, каково живется здесь ее матери, на плечи которой прекрасные супруги взвалили воспитание своей ненормальной доченьки!

– Ты знаешь, я человек больной, – начала она свою длинную обличительную речь. – У меня гипертония. У меня сердце, не говоря уже о печени...

– Мама, при чем здесь твое здоровье? Я спрашиваю: где Людмила?

Вот, теперь она еще и повышает голос на мать. Ее даже не волнует, что та далеко не так здорова, как Веронике в своем далеке кажется.

Это разозлит и святого.

– Я не знаю! – закричала Алла Леонидовна. – В то время, как мне пришлось уйти в магазин, купить, между прочим, для нее фруктов, ты же знаешь, я слежу, чтобы в пище было достаточно витаминов, эта неблагодарная особа, эта мерзавка собрала свои вещички и улизнула!

– Куда? – растерянно спросила Вероника.

– Не знаю, – язвительно повторила мать, – может, к одному из своих хахалей!

– Каких хахалей, мама, она же еще девочка совсем, ей только через два месяца восемнадцать исполнится.

– Из молодых, да ранняя, – не стала жалеть дочь Алла Леонидовна. Пусть знает, кого вырастила! – Так что, извини, дать ей новый адрес я не могу. Не знаю!

И она со злостью бросила трубку на рычаг. Как они ей все надоели! Почему женщина, вырастив своих детей, все равно не может быть свободной и жить так, как ей хочется?

За свою внучку она не беспокоилась. Такие, как Людмила, в огне не горят и в воде не тонут! Поскитается по чужим людям и вернется. Денег у нее нет. Если мать, конечно, тайком не присылала ей... То есть извещения с переводами она никогда не видела, но эти чадолюбивые родители могут пускаться на всякие хитрости. Например, высылать деньги на «до востребования».

Она и не догадывалась, что угодила в самую точку. Вероника изредка высылала кое-какие деньги дочери. Говорила: а вдруг понадобятся?

И еще в одном Алла Леонидовна оказалась права: Людмиле таки пришлось скитаться.

Вначале она, как и собиралась, пожила у девчонок. И одна из них уже на второй день нашла ей подработку – ходить на дом к одной бабушке делать уколы. Старушка оказалась из обеспеченной семьи, за работу расплачивалась сразу, что сняло проблему с отсутствием денег.

Потом она заглянула на почту, и там оказалось два перевода от мамы. Один лежал уже месяц, и девушка сказала ей, что деньги собирались отправлять обратно.

Потом Людмила уже самостоятельно по объявлению устроилась в аптеку, куда ее взяли ночным фармацевтом.

Работа, надо сказать, была не очень трудная, потому что по ночам мало кто приходил за лекарствами.

В двенадцать часов входную дверь, забранную решеткой, закрывали изнутри на замок. А если кому срочно требовалось лекарство, покупатели звонили в звонок, и фармацевт отпускала лекарство через маленькое, тоже зарешеченное окно.

Отпустив очередного клиента, Люда опять падала на свой топчанчик и засыпала. Бессонницей она, к счастью, не страдала.

А поскольку ей даже удавалось высыпаться, она почти не зависела от девчонок, у которых оставила свою сумку с вещами и куда могла приходиться переодеваться, предварительно приняв душ.

В этом – в возможности поплескаться – подруги ее не ограничивали, так что со временем Людмила, как в анекдоте, могла сказать себе: жизнь налаживается!

Она подумывала, не поискать ли номер в какой-нибудь недорогой гостинице, но таких не знала. А может, их и не было. В действующих гостиницах самый скромный номер на один день стоил как раз ее месячную стипендию...

Несколько дней она пожила у Тамары Водопьяновой. Пожалуй, единственной своей подруги, хотя прежде общались они в основном на занятиях или между парами.

Приняли ее Водопьяновы хорошо, выделили целую комнату в своем огромном доме.

– Живи сколько хочешь, – сказала Тамарина мама, Юлия Витальевна.

Но ей было неудобно.

Пару раз она сходили в кафе с Тамарой и один раз с ее бойфрендом, о котором маме строго-настрого было запрещено даже заикаться.

– Почему? – удивлялась Люда. – Тебе вообще запрещают встречаться с парнями или именно с этим?

– Вообще, – смеясь сказала Тамара. – Дело в том, что моей маме меня принес аист...

– В каком смысле, что-то я не догоняю? – пожаловалась Люда.

– В том, что мама не понимает, что я уже выросла. Не хочет понимать. Она готова принимать в доме моих друзей, мальчиков и девочек, и даже приглашать для них Деда Мороза зимой и клоуна летом. Чтобы мы танцевали и читали стихи...

– Это у тебя шутка такая?

– Это у меня небольшое преувеличение, – вздохнула Тамара. – Но Лешка категорически отказывается к нам ходить, потому что мама первым делом стала спрашивать, где он живет и куда она сможет позвонить в случае чего – если я задержусь или у меня вырубится мобильник... Главное, как чувствует: только мы с Лешенькой где-нибудь приляжем, она тут же мне звонит. А выключишь телефон – вопли, истерика... Так что если у тебя пока нет своего жилья, то это не большая беда. Даже маленькая бедка. Гораздо хуже, когда мама висит у тебя на хвосте... Думаешь, почему она с такой радостью приняла тебя? Чтобы иметь возможность контролировать меня, но уже через тебя... Вот скажи, спрашивала она у тебя номер твоего мобильного.

– Спрашивала, – призналась Людмила. – И в свой блокнот записала. Сказала, на всякий случай.

– Все, ты попалась! Теперь если я где-нибудь задержусь, она будет обзванивать и тех моих подруг, которых она знает, и тебя.

Люда подумала, что ей надо успеть накопить немного денег, чтобы снять квартиру самой. Ведь обычно те, кто их сдает, требуют предоплату хотя бы за два месяца.

А потом в училище ее нашла мама. Людмила, когда увидела свою Веронику Михайловну, глазам не поверила.

– Мама, что-нибудь случилось? – встревожилась Людмила.

– У меня ничего не случилось, а вот у моей дочери... – Она многозначительно помолчала. – Хорошо, что появилась возможность поехать в командировку в Сочи. Я ее буквально из рук своей коллеги вырвала. И прилетела из Сочи на один день, завтра надо вернуться.

Людмила смутилась: она уже нарисовала себе портрет матери, не слишком интересующейся ее делами, почти отреклась от нее, и вдруг...

– Зря ты волнуешься, – между тем сказала она сухо. – Я всего лишь не хочу больше жить с Аллой Леонидовной. Кроме того, в этом году я закончу училище, получу диплом и стану совершенно самостоятельной.

Она посмотрела в глаза матери, но выдержать ее взгляд не смогла, стала смотреть в сторону.

– Что случилось? – повторила мама, сама немало смущенная проблемами дочери, которую до сих пор считала удачно пристроенной.

– А чего ж ты у мамочки своей не спросила, – проговорила Людмила с ехидцей. – Разве она тебе ничего не сказала? Если нет, получится, я вроде ябедничаю.

– Неужели все так далеко зашло? – пробормотала мама.

– Дальше некуда, – криво усмехнулась Люда.

– Хотя бы в общих чертах, – продолжала настаивать Вероника Михайловна.

«В общих чертах! – усмехнулась про себя Люда. – Разве можно в общих чертах рассказать про четыре года жизни?» И опять мысленно добавила: «Ты, мамочка, никогда не узнаешь, ни что было со мной в общих чертах, ни в самых подробных. Хотя кое-что придется все же рассказать». А вслух произнесла:

– Хорошо, слушай. В общих чертах. – Она не могла не съехидничать. – Это случилось четыре года назад. Я приехала в этот город и сразу поняла: мы с бабушкой не найдем общего языка. Просто потому, что ничего общего у нас быть не может. Вот с той поры мы и жили: она – сама по себе, я – сама по себе. У нас в группе была девочка из детского дома, и у нее тоже никого не было из близких родственников...

– Что ты говоришь! – ужаснулась мама.

– Хорошо, уточню: никого поблизости не было.

– Но ты жила не у кого-нибудь, у родной бабушки! – продолжала настаивать мама.

Людмила снисходительно взглянула на нее. Она видела маму насквозь. Та нарисовала себе, как хорошо живет ее дочь, и с этим спокойно спала...

– Жила. А после того как дорогая бабушка рассказала, что папа мне вовсе не папа, а ты была рада от меня избавиться, я поняла, что теперь не только язык, но и воздух у нас не может быть общим.

– Но бабушка... Она могла сказать это в запале, со зла...

– При моем женихе, – с кривой улыбкой подхватила Люда. Она быстро успокоилась от того, что рассталась с Николаем, но матери все же сказала. Может, пусть хоть теперь перестанет защищать свою распрекрасную мамашу. Нельзя же быть такой слепой!

Мать замолчала и взглянула на дочь жалобно: мол, почему бы тебе не быть снисходительней? Но та отчего-то не захотела ее жалеть.

– Если дети такая обуза, для чего их тогда заводить! – выплеснула Людмила то, что давно в ней бродило и распирало изнутри, как сероводород на болоте!

И добила результат: мама заплакала. И так горько, что Людмиле в момент расхотелось и дальше ее заводить. Устыдилась.

– Мамочка, прости меня, пожалуйста! Если бы ты знала, как это тяжело: считать, что ты никому не нужна.

Теперь они плакали обе. В номере гостиницы, который по приезде сняла для себя мама.

– Сегодня ты останешься у меня, нам нужно серьезно поговорить!

Людмила подменилась с одной из девчонок-фармацевтов на одну ночь. Теперь ей хотелось провести остаток вечера и ночь с мамой, по которой она, оказывается, так соскучилась.

– Я буду присылать тебе деньги, как и прежде, на главпочтамт, – говорила мама. – Подумай только, ты вынуждена самостоятельно зарабатывать себе на хлеб.

– Не на хлеб, а на квартиру, – усмехалась Люда.

Хотя, если подумать, и на хлеб тоже. А что, пора, не маленькая. Подумаешь, несовершеннолетняя! Смотря для чего...

Утром Людмила провожала мать в аэропорт. Та вынула бумажник и отдала дочери пачку денег, не считая.

– Пожалуйста, Люда, сними себе квартиру. Не жалея денег. Я пришлю тебе столько, сколько нужно.

– И долго ты будешь меня содержать? – ворчливо проговорила Людмила.

– Пока не выйдешь замуж, – улыбнулась мама. – Тогда я с чистой совестью передам тебя с рук на руки.

– А если я не выйду очень долго? – посмеялась Людмила.

Глава четвертая

Люда познакомилась с Димкой, когда он в своей солдатской робе копал траншею. Почему-то один. Копал и при этом что-то декламировал. Явно рифмованное.

Она приостановилась и будто невзначай стала слушать, что он там бормочет.

Иду я против топора,
В руке сжимая лом
Как символ торжества добра
В его борьбе со злом¹.

Он приговаривал, замолкая, а потом начинал опять.

Людмила подумала: надо же, какой нынче солдат продвинутый пошел! Под стихи копает... Но все-таки копает вручную, можно подумать, что в армии техники никакой нет. Или у них такой способ наказания: лопату в руки – и копай от забора до заката?

– Здравствуйте, девушка, вам тоже нужно что-нибудь выкопать? – спросил он, когда она уже собралась идти дальше.

– Нет, спасибо, ничего не нужно, – невольно хихикнула она. И чуть было не добавила: «Разве что могилу».

Но он бы не понял, почему у такой молодой и на вид успешной герлы такое похоронное настроение.

За один день, что мама была в городе, Людмиле показалось, будто они успели сблизиться, как никогда раньше, и теперь она, успокоившись и поняв, что не так уж одинока, будет жить дальше с песней по жизни.

Но мать уехала, и на нее опять навалилась тоска. Рыжий, наверное, сказал бы: «Идет нормальный процесс, переоценка ценностей».

Парень с лопатой между тем внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Тогда, может, хотя бы имя свое скажете солдату, чтобы он мог засыпать с ним на устах.

Она, не сдержавшись, фыркнула. Но просьбу выполнила:

– Людмила.

– Да, – зачарованно протянул он, – с таким именем можно не только засыпать, но идти в атаку и сражаться на турнирах... Мила. Мила-я, ты услышь меня-а...

Такой вот приколист.

– А меня Дмитрий. Дмитрий Князев.

Он стоял внизу, в траншее, опершись на лопату, и, не скрываясь, оглядывал ее с ног до головы.

– Так я пойду? – неуверенно спросила Люда, почувствовав от его взгляда почти робость. Можно было подумать, что он вдруг приобрел на нее такое влияние, что она даже разрешение у него спрашивает. На свободное хождение по улицам, между прочим.

– А давайте завтра встретимся? – предложил он.

– Здесь?

Сказала и подумала, что определенно в его взгляде есть что-то магнетическое. Она будто сама не своя, лепечет глупость всякую.

– Почему – здесь? Можно и возле фонтана у «Авроры». В шесть часов, а?

«Аврора» – кинотеатр, подле которого стоит скульптура девушки в шинели, с ружьем. Ее почему-то тоже называют Авророй. Поскольку эта скульптура поставлена здесь еще во времена

¹ Стихи Игоря Иртеньева.

Советского Союза, то символизирует она, очевидно, зарю коммунизма. Правда, сейчас никто об этом не задумывается. И молодежь привычно назначает возле нее свидания.

Парень, вспомнив о чем-то, помрачнел. И пояснил для нее:

– Если, конечно, прапорщик опять не привяжется.

– Пятнадцать минут я подожду, – сказала Люда, проникаясь сочувствием к солдату.

– Это правильно, – согласился он, – международная норма ожидания. Только обычно я никуда не опаздываю, а уж после пятнадцати минут точно не приду.

Но сладилось у него, как видно, с прапорщиком, потому что Димка пришел вовремя. Минута в минуту. Вообще они одновременно подошли к месту свидания с двух сторон.

Посмотрели друг на друга, одновременно хмыкнули, а потом и рассмеялись. Они сразу начали общаться будто на одной волне. У Людмилы никогда такого не было. Ни с кем. Даже с Рыжим. Чтоб вот так, с одного взгляда чувствовать одно и то же.

До встречи с Димкой – Дмитрием Князевым – у Людмилы случилось много чего плохого. Откуда бы в ее жизни взяться хорошему, если у нее не было ни постоянного жилья, ни близких людей? Вон даже родную мать будто заново обретала. Да и то с натугой, сопротивляясь неизвестно почему.

Когда она рассталась с Переверзевым, то была так опустошена – не горем, нет, разочарованием в жизни, в мире, который не принимал ее с распростертыми объятиями, а только пинал без устали, словно она была какая-то отверженная. Неудачница. Несмотря на наличие родственников, как будто одна на свете. От подобных мыслей ей просто жить не хотелось. Разве она хуже всех? И вообще, за что ей такая судьба?

Даже мама приехала к ней всего на один день. Как будто за один день можно было решить все ее проблемы.

Рассказав матери в общих чертах, как та предлагала, о своей жизни, Люда почти ничего не рассказала.

Например, как она опять появилась в той самой компании, из которой почти без потерь сбежала когда-то. Там она могла найти себе утешение. И нашла. Да так «удачно», что спустя некоторое время поняла, что беременна.

К кому было идти? Кто помог бы ей найти хорошего гинеколога?

Как сказала одна из ее приятельниц:

– Не королева, пойдешь на общих основаниях.

На общих не хотелось. Слишком высок, по мнению Людмилы, был процент женщин, после первого аборта не могущих больше родить. И она обратилась к Рыжему.

Конечно, он был еще студентом третьего курса, но у него уже имелось столько знакомых в медицинских кругах, что он мог решить почти любую проблему с чьим-то здоровьем. Разве что, кроме особо сложных случаев, вроде рака четвертой стадии.

К тому же он встречался с дочерью профессора медицины, специалиста, нейрохирурга.

Рыжий говорил о профессоре с придыханием, а о его дочери как бы между прочим. Будто она его почти не волнует. Что, однако, Людмилу не могло обмануть. Его интересовали оба члена семьи – каждый по-своему.

Удалось ему, безродному, проникнуть в закрытое элитарное общество врачей, в котором они обычно стояли плечом к плечу и могли чуть расступиться только для самого одаренного, каким и был Рыжий.

Но свою бывшую девчонку он не забыл. Не из таких был Рыжий, чтобы от друзей отказываться.

– Залетела? – понимающе качнул он головой. – Эх ты, дуреха! Говорим мы вам о контрацептивах, говорим, а вы...

– Кто это вы и кто – мы? – окрысилась на него Люда.

– Мы – это врачи, – ничуть не смутился он, – а вы – глупые девчонки, которые не думают о будущем. Теперь ты хочешь, чтобы я позаботился о твоём будущем. Ну, чтобы эта опаснейшая операция – не в смысле сложности, а в смысле стресса для молодого организма – прошла благополучно...

– Слушай, Рыжий, кончай, а? Вот уж не знала, что ты станешь таким занудой. Ты не забыл, что я заканчиваю то же училище, что и ты, и, между прочим, уже фармацевтом работаю. По ночам...

– Крутая, кто же спорит, еще какая крутая. А за помощью к старому другу прибежала?

– Не мог не упрекнуть, да? Если не можешь, так и скажи!

– Кстати, о птичках, в пятом роддоме твой бывший приятель Гном работает. Могла бы к нему обратиться, у них хорошая база, – заметил Рыжий; он все понимал. – Но с другой стороны, ты права. Лучше заплатить и горя не знать, а то потом наверняка упрекнут... Эх, Тимошина, ты со своей гордостью так и останешься простой медсестрой...

– Понятно, простая медсестра уже не может тебя интересовать! – разозлилась она и кинулась к выходу. Рыжий со смехом поймал ее за полу халата.

– И в самом деле, как была гордячкой, так и осталась! – хохотнул он, не давая ей вырваться. – Уже и пошутить нельзя.

– В каждой шутке есть доля шутки! – ответила она его же присказкой.

– Да помогу я тебе, помогу! – заверил он. – У тебя как с деньгами?

– Найду. – Людмила сжала губы.

Она будто чувствовала. Оставила часть собранных из разных источников средств для НЗ, в том числе и деньги, которые мать перевела ей на день рождения – семнадцать лет. Запретила себе их брать, даже когда нужно было где-то жить. Она даже приятельницам говорила, что денег у нее нет, не потому, что была жадиной, а потому, что интуиция говорила ей: деньги оставь на всякий случай!

Людмила подозревала, что в ее жизни могут начаться черные деньки – незадолго до этой, последней, у нее уже были стычки с бабкой. Положение улучшиться не могло. Разве что ухудшиться. Так и случилось.

В свое время Рыжий удивлялся этому ее чувству настороженности.

– Можно подумать, что ты сирота, а не я, – посмеивался он. – Вроде и семья у тебя полная, отец-мать...

Тогда он не знал, что у Тимошиной отчим, а вовсе не родной отец. Впрочем, он и потом так и не узнал. Людмила не хотела, чтобы кто-то ее жалел, а уж Рыжий – тем более. Ее и так бесила его снисходительность и уверенность в том, что он человек высшей пробы.

– Понимаешь, у нас бесплатно даже для знакомых не станут ничего делать, – между тем засмущался он.

– Я понимаю.

– Зато условия у тебя будут как у королевы. Не волнуйся, если не хватит, я тебе добавлю.

Понятное дело, то, что для Людмилы деньги, для него так, копейки. Это при том, что он все еще студент. Сколько же Рыжий станет зарабатывать, став врачом?

Но она тоже будет иметь деньги. Много денег! Столько, что, если у Рыжего их вдруг не станет, она сможет одолжить. И даже просто дать без отдачи.

И в самом деле условия были лучше не надо, но Люда не пожалела о деньгах. В конце концов, речь шла о ее будущем.

– Знаешь, не было бы счастья, да несчастье помогло, – сказал ей Рыжий, когда против ожидания ей дали не местный, а общий наркоз, а потом она обнаружила у себя операционный шов. – Это, между прочим, я настоял, чтобы тебе предварительно УЗИ сделали. Прости, я не сказал: у тебя киста была на яичнике. Ну и Паша заодно ее удалил...

– Ни фиги себе, заодно!

Он говорил с ней об этом как о деле обыденном. Считал, что она медик и не имеет права на какие-то там слабости. Тем более расстраиваться насчет того, что ей сделал некий Паша. На самом деле врач Павел Герасимович. Молодой, но уже подающий надежды. Рыжий, надо думать, нарочно называл его Пашей, чтобы показать свою близость к будущему светилу.

– Я, наверное, еще должна осталась? – спросила она прямо.

Рыжий несколько смущенно отвел взгляд.

– Я сказал ему, что у тебя все равно нет больше денег, что ты сирота, воспитывалась со мной в одном детском доме.

– И он просто так сделал операцию, бесплатно?

– Ну, не совсем просто так... Кое-что я ему буду должен, но зачем тебе это знать?

– Я не хочу быть должной тебе! – заявила Люда.

– Эх, Люська! – ностальгически вздохнул Рыжий. – Еще неизвестно, кто из нас двоих кому должен!.. Ты на меня не очень злишься?

– За что? – удивилась она.

– Ну, я таким дураком был. Чувствовал себя чуть ли не наставником одной глупенькой малышки, которая доверяла мне. Именно мне, такому раздолбаю!

– Хочешь сказать, что ты и сейчас раздолбай?

– Нет, конечно, сейчас я старый хитрый лис, который потихоньку делает карьеру, хотя ему еще учиться и учиться...

– Хвастун ты, Рыжий! – с трудом улыбнулась ему Люська, которая чувствовала себя еще достаточно слабой после операции.

Еще бы, перенести такую безо всякой подготовки! Она до сих пор чувствовала некоторую ошеломленность от одного только сообщения бывшего возлюбленного.

После этих событий прошло два месяца. Людмила Тимошина теперь снимала квартиру и подрабатывала в частной клинике, помимо работы в аптеке, но этого заработка вполне хватало, чтобы она могла впредь не просить денег у матери.

Хотя та все равно денег ей прислала. Судя по всему, как только домой вернулась.

Наверное, если бы мама не прилетела тогда, пусть всего на один день, Люда и не стала бы эти деньги получать. Так она на всех своих родственников злилась. А теперь...

У Рыжего 5 мая был день рождения. Она решила пустить присланные деньги на подарок. Зашла в недавно открытый магазин швейцарских часов. Дорогие купить не смогла – не те деньги были в руках, но кое-что по своим возможностям нашла.

Купила и отнесла Рыжему, предварительно сделав гравировку: «Помни наш детдом, и удачи тебе!» Может, надпись была и не слишком удачной, но Рыжий растрогался.

– Спасибо тебе, Малыш! Вот уж не ожидал. Небось все деньги на подарок утратила?

– Тебе-то какая разница, – нарочито грубо ответила она. Чего уж теперь говорить, все не все, когда дело сделано? – Дареному коню в зубы не смотрят!

– Не груби папочке, – сказал он и посмотрел ей в глаза. – Ну а детдом к чему припела? Наめкаешь, что у тебя с родными полный разлад?

– При чем здесь это? Я всего лишь решила, что твоя жена не должна ревновать к детству, что она ничего такого не подумает. Не хотелось, чтобы под ее давлением ты эти часы выбросил. У тебя останется обо мне кое-какая память, а у меня – этот шов.

Она чуть коснулась живота. Может, прав Рыжий, что заранее ее не предупредил. Она в те дни была так взбаламучена, так беспокойна, что сообщение о кисте все только усугубило бы.

– А жене скажешь, что это человек, которого ты когда-то вывел в люди... Это, между прочим, правда. А другим эту надпись и показывать не надо.

– У-умная-а!

– А ты сомневался?

– Какие уж тут могут быть сомнения? Доктор Франкенштейн и его питомцы...

Насчет доктора Людмила не очень поняла, но интонация Рыжего ей не понравилась.

– Что-то я не врубаюсь, ты пошутил или оскорбил?

Рыжий немного смутился, но проговорил:

– Примешь от меня еще один совет на прощание?

– Приму. Давай вываливай свой совет. Что мне стоит делать или не делать?

– Не поступай в медицинский институт!

– Почему? – Людмила даже растерялась. Ей казалось, что лишь одна дорога может быть у нее, и вдруг кто-то говорит: не ходи по ней?!

– Ты готова принять на себя ответственность за жизнь человека?

Ответственность, она не ослышалась? Что он о себе возомнил, мудрец хренов? Чего вдруг он стал смотреть на нее свысока? Людмила, между прочим, воспитывалась в порядочной семье, и ее вырастили нормальным человеком в отличие от тех, кто рос в инкубаторе!

– Засунь свой совет... сам знаешь куда!

Но Рыжий больше ничего не сказал, только плечами пожал: мол, делай как знаешь! Людмила шла и чувствовала, как он смотрит ей вслед. Называется, поздравила человека с днем рождения!

Глава пятая

В общем, познакомилась Людмила с Димкой как раз в такую пору, когда была зла на весь свет и не ждала для себя от него ничего хорошего.

Она не знала, что будет делать дальше. Как сказала бы ее бывшая учительница литературы, Тимошина не поставила перед собой цель, не стремилась чего-то достигнуть, в общем, плыла по течению, куда вынесет.

Но с другой стороны, чувствовать себя одинокой в восемнадцать лет... Вот именно, месяц назад ей исполнилось восемнадцать.

Когда она жила у бабушки Аллы Леонидовны, в этот день ей всегда звонила мама, а потом трубку брал отец... в смысле отчим. И они оба, эти притворщики, желали ей всего самого лучшего...

Обидеться-то на своих родственников Людмила обиделась, но на почту пошла, к окошку «До востребования». Из Тюмени ей прислали музыкальную открытку с ее любимой песней и перевод на пять тысяч рублей с припиской: «Дорогая доченька! Купи себе то, что ты хочешь, – это наш с папой тебе подарок».

«Грехи замаливают!» – пробурчала про себя Люда, но деньги получила.

Перед днем рождения в училище раза три приходила Алла Леонидовна. Видимо, чтобы увидеть внуку и каким-то образом заманить ее обратно. Но Людмила благополучно ускользала от бабкиной облавы. Тем более что старшекурсники, осведомленные о том, что Тимку – от фамилии Тимошина – ищет ее злобная бабка, предупреждали заранее и даже прятали.

Девчонка из-за старой крысы вынуждена жить на квартире, за которую отдает почти все, что зарабатывает, и у той еще хватает совести приходиться и внуку свою разыскивать!

Людмила позвала своих однокурсников в кафе, и они просто суперски отметили ее день рождения. «Фармацевты» скинулись и купили ей плеер и даже сбросили ей на «флешку» пару дисков известных ансамблей. Так что она теперь ездит в транспорте и слушает музыкальные приветствия товарищей.

– Слушать тебе не переслушать! – сказала Тамара.

А что, классный подарок. Сама она себе вряд ли такой бы купила. По крайней мере в ближайшее время.

Итак, родители как ни в чем не бывало продолжают о ней заботиться. Она уже приготовилась к тому, чтобы самой себя обеспечивать, и теперь стояла на распутье. Не брать от предков деньги или брать? Не брать – глупо. Пусть они хоть чем-то отвечают за свое равнодушие к ней. Хоть деньгами!

Обо всем этом Люда и рассказала Димке на первом свидании. Как и в каких словах бабка сообщила ей о том, что отец Людмиле вовсе не отец, и так далее. Словно нарочно на ссору нарывалась. Словно ждала, что Людмила соберет сумку и уйдет.

– Чего только люди не делают, чтобы завладеть чужим добром, – сказал Димка. – Впрочем, я могу и ошибаться...

– Имеешь в виду квартиру? – удивилась она, потому что сама в таком контексте поступок Аллы Леонидовны не рассматривала, а только недоумевала: чего ей вздумалось внуку провоцировать?

– А с другой стороны, может, мне бабке спасибо сказать? Если бы не она, вышла бы я замуж за Переверзева и тебя не встретила.

Скорее, с ее стороны это было кокетство. Для того чтобы серьезно относиться к их встрече, нужно было бы хоть немного побольше узнать друг о друге. Но Димка воспринял ее замечание на удивление серьезно.

– Спасибо, Милочка!

Они сидели в кафе и пили молочный коктейль, а после слов Люды Димка поцеловал ей руку.

Как выяснилось почти с первых минут их узнавания на том, первом, свидании, Димка тоже считал свою судьбу не слишком счастливой.

Во-первых, его выгнали с третьего курса института. Тут, правда, он честно признался, что виноват в этом сам. Они с ребятами хорошо покуролесили на день ВДВ – у них на курсе учились двое десантников, которые увлекли за собой остальных студентов.

При служебном расследовании десантники, что называется, пали декану в ноги, и он их простил. С последним предупреждением. И даже потом вроде защищал. Но говорил остальным, в армии не служившим: «То, что ребята отметили этот день, – понятно. Их праздник. Они его заработали. А вы? Вас почему я должен прощать?»

Родители стали трамбовать Димку, чтобы он попросил прощения у декана...

– Представляешь, как в детском саду. Пойди попроси прощения у воспитательницы за то, что разбил окно... А когда я отказался, отец через своих знакомых таки сам вышел на декана. Пошел к нему на прием. Стал говорить – прикинь, я об этом ни сном ни духом не знал, – будто я раскаялся и теперь ни за что не позволю себе ничего подобного... – Тут Димка несколько замялся и сообщил Людмиле: – Может, потом как-нибудь я расскажу, что мы с парнями ухихмили... Так вот декан говорит: «Что-то мне не верится, будто такой возмутитель спокойствия, как Князев, вдруг возьмет и угомонится. Вот пусть придет и сам мне об этом скажет!» Отец прискакал домой и давай от меня требовать: иди да иди, покайся, и тебя возьмут обратно! Я говорю: а как же мои друзья Санька и Мишка? А у них, заявляет мне папочка, свои родители есть, пусть они о своих детях и заботятся. Получается, я должен был их кинуть, потому что у меня папахен – человек богатый, а они, значит, пусть страдают за все без меня... Как ты думаешь, что я сделал?

– Отказался? – напрашивался логичный вывод.

– Отказался, не то слово, я пошел в военкомат и выразил желание служить в армии. Ну, меня без промедления и упекли сюда. Хотя...

Он задумался.

– Подозреваю, что в последний момент отец все же вмешался, и меня оставили служить в родном городе, а не отправили куда-нибудь в горячую точку. Это и есть во-вторых.

– А у нас такие еще есть? – удивилась она.

– Наверняка есть! – уверенно произнес Димка. – Иначе, почему родителям пацанов, которые служат в армии, до сих пор приходят похорожки?

– А ты на увольнение домой ходишь? – спросила Людмила.

– Не хожу, – признался он, отводя взгляд.

– Что же, ты слоняешься по своему родному городу и ни разу не пришел домой? – не поверила она.

– Ни разу. Если хочешь знать, сегодня моя первая увольнительная за последние полгода. Так что я вовсе не слонялся, как ты говоришь. При том, что я уже старослужащий, и мог бы иметь совсем другие условия службы, если бы хвост не поднимал. Не люблю, когда меня гнобят. Что же это, делать вид, будто я всем доволен? И закрывать глаза на несправедливость.

– Когда я такими словами изъясняюсь, моя бабушка ехидничает, что я идеалистка. Значит, мы с тобой два идеалиста. Видишь, ты ухитрился даже «дедом» ходить в отверженных. А мне рассказывали ребята, которые служили в армии – тут имелся в виду некий человек по кличке Рыжий, – что старослужащие даже на зарядку ходят в домашних тапочках!

– Знаешь, Милочка, меня это противостояние даже развлекало. До сих пор я делал все для того, чтобы меня в увольнения не отпускали. Такой вот мазохист.

Он отодвинул стул, подавая Людмиле руку – она допила свой коктейль, – и распахнул перед ней двери кафе, после чего молодые люди вышли в теплый, понемногу остывающий вечер и медленно пошли по улице, продолжая разговаривать.

– Послушай, но если ты не ходишь в увольнительные, то как же на это смотрят твои родители?

Он замялся.

– Мама, конечно, переживает. Приходила на днях. Говорит: «Сыночек, как ты похудел!»

– Он кого-то передразнил женским голосом.

– Но мама-то в чем виновата?

– Понятно, ни в чем. Это я просто вредничаю. Таким вот образом злюсь на весь свет, а родителям достается.

– Вот и я тоже.

– Значит, мы с тобой споемся? – Глаза его смеялись.

– Споемся! – Она улыбнулась. – Знаешь, у меня никогда еще такого не было... Я считала, что между мужчиной и женщиной не может быть единодушия.

– Потому что ты пока еще не женщина, а просто маленькая девчонка.

– Мне, между прочим, уже исполнилось восемнадцать.

– Да, ты просто старуха!

Они расхохотались.

– Как ты считаешь, военная форма мне идет?

– По-моему, не очень.

Он взял ее за руку и спросил без перехода:

– А когда ты мне отдашь?

Людмила остолбенела. Его слова показались Людмиле такими оскорбительными, что она выдернула руку из его руки и зашагала в обратном направлении.

«В последнее время я только и делаю, что от кого-нибудь убегаю!» – тяжело вздохнула она и тут же споткнулась, потому что Дмитрий с разбегу схватил ее за плечи и, чуть запыхавшись, произнес:

– Ну ты и горячая! Прямо кипятик. Прости меня, а? Я ведь нарочно сказал гадость, чтобы взглянуть на твою реакцию. Думал, драться будешь или посмеешься вместе со мной, а ты повернулась и пошла... Вообще-то я сказал бы, что больше не буду, но это будет неправдой. На самом деле я люблю прикалываться.

– Прикалывайся над кем-нибудь другим. Есть девчонки, которые любят безбашенных парней.

– А ты, значит, не любишь?

– А я нет. С такими приколистами, может, и весело, но ненадежно!

– А ты хочешь найти надежность?

Он притворился изумленным, а сам опять наблюдал за ней, вроде на нее и не глядя.

– А ты не хочешь?

Она подхватила это его «а», с которого он теперь начинал каждое предложение.

– Милочка, – протянул он, – давай не будем фигней заниматься. Это как на канате балансировать. Чуть в сторону больше положенного возьмешь, сразу и свалишься. Мы с тобой толком и не познакомились. Пойдем еще в какую-нибудь кафешку? У меня осталось триста рублей.

Людмила посмотрела на него: неужели не шутит? Куда можно пойти с тремястами рублями?

– В «Пиццу-хат», – ответил он на ее вопрос. – Мы возьмем полпорции пиццы, сок, и еще на какой-нибудь салатик останется. Ты не думай, я не всегда такой бедный. Я даже могу быть очень богатым. Тут один хмырь предлагает купить у меня картину. Он считает, что я пишу в

его манере. Хотя на самом деле эта моя манера, может, схожая с манерой Игоря Трофимова, которого я очень люблю. – И пояснил для нее: – Игорь Трофимов – московский художник. Талантище! Точнее сказать, даже российский художник, потому что его знают все, от Москвы до самых до окраин.

– А зачем хмырю картина в его манере?

– Чтобы выдать ее за свою. И продать раз в десять дороже.

– А почему ты не продашь ее раз в десять дороже?

– Глупая девчонка, – сказал он с неожиданной нежностью. – Дмитрий Князев – это кто? Пока никто. А Велемир Ковригин – модный художник. По-моему, самый обычный подражатель! Но держит нос по ветру. Даже картины подписывает похоже на подпись Трофимова, но при этом так, чтобы никто не придрался...

– Судя по твоему снисходительному тону, ты и сам собираешься стать модным художником?

– По крайней мере, выйдя за меня замуж, ты не прогадаешь. У тебя будет все, о чем только может мечтать женщина.

Странно, что эти его речи вовсе не показались Людмиле хвастливыми. При том, что она увидела его впервые с лопатой в руке, копающим самую обычную траншею.

Что-то было в Димке такое, чего не было в ее бывших парнях. Ни в Переверзеве, ни даже в Рыжем, который до сего времени стоял далеко в стороне от ребят, с которыми она встречалась в своем училище или знакомилась на дискотеке.

Он был другой. Когда Люда общалась с Димкой, ей отчего-то вспоминалось детство, самые светлые его картины. Например, как она ездила в пионерский лагерь на берегу Черного моря. Или ловила с отцом рыбу на тихой речке в деревне Коркино, где жила мама ее отца... Отчима!

Она, как и родители, тоже никогда не рассказывала Людмиле, что та не ее родная внучка.

Правда, бабушка была строга, называла ее Людмилой, но до сих пор помнились ее руки, когда она заплетала внучке косу или укрывала одеялом в прохладные ночи начала лета...

Людмила думала о Димке как-то объемно, что ли. Ей было хорошо с ним и уютно. Если на то пошло, он даже спас ее от полного разочарования в жизни и близких людях.

Вначале ей стыдно было рассказывать ему, почему она ушла от бабки. А потом, подбадриваемая его вниманием, она потихоньку все и рассказала.

– Рано или поздно ты все равно бы об этом узнала. А не говорили тебе до срока потому, что ты еще маленькая была. Какую цель преследовала твоя бабушка, я не знаю, но ты на нее особо не злилась. Просто она, похоже, не слишком деликатная женщина. Считает, что лучшее лечение – это шок!.. Шучу, конечно, но кто обещал, что все наши близкие непременно должны быть людьми без недостатков, честные и правильные? Вот увидишь, еще немного времени пройдет, и ты их простишь. Всех. Сейчас пока не можешь? Ну и не надо. Не торопись, говорят, время – лучший доктор.

Они куда-то шли – Димка вел ее в свою любимую кафешку и рассказывал, что у него есть свое жилье, он не какой-нибудь там бездомный солдат, и когда она квартиру увидит, поймет, что им будет, где жить, так что со свадьбой можно и не тянуть. Правда, Люда принимала его слова о свадьбе как шутку. Не станет же человек говорить об этом всерьез при второй встрече!

Недаром она удивлялась, что он не ходит домой, к родителям. Зачем, если у него есть своя квартирка в старом фонде, «сталинская», с высокими, три с половиной метра, потолками, с огромной комнатой, в которой имелась отделенная пологом кровать.

Димка рассказывал о квартире с удовольствием, так что даже Люда захотела в ней побывать.

– А откуда у тебя появилась квартира? Ты на нее заработал?

– Дядька мне ее оставил, когда в Америку сваливал, – ответил он на ее вопрос. – У него на хвосте уголовка висела, так что не до недвижимости было.

– Значит, твой дядя – бандит?

– Что-то вроде этого. Но в Америке он уважаемый бизнесмен, а у них с законом строго...

Какой-то Димка все же странный. У него свои понятия о честности и порядочности, а Люда воспитывалась в семье, где такие понятия были четко ограничены: бандит так бандит, его следовало стыдиться, а не рассказывать о нем первому встречному, ничуть не стесняясь.

Впрочем, от этих своих мыслей Людмила отмахнулась: в конце концов, не с дядей же она дружит.

– Ты же, наверное, коммуналку не платишь? Вот отберут ее у тебя...

– Не отберут. Моя сестра обещала, что будет платить в счет своего долга. Ну и, понятное дело, ежели надо будет хахалю своего привести.

Сказал и смутился: получалось, что не так уж он материально независим, как хотел бы представить. Но и она вовсе не мечтала встречаться с кем-то, кто не знал материальных проблем. Не ставила перед собой такую задачу. Собственно, она сама «поставилась». Главное, чтобы он был ее человеком. С кем легко, кто свой. А деньги...

Люда не понимала, почему некоторые девчонки говорят все время о деньгах. Их же можно заработать! Просто пока у нее не было особых желаний. Например, она не хотела норковую шубу или сверхдорогие фирменные джинсы, а на то, чтобы сходить в кино или поесть в кафе мороженое, деньги она зарабатывала. И чего уж там, родители ей присылали.

Наверное, потому она и сказала:

– Послушай, Димка, зачем нам с тобой себе во всем отказывать? Давай лучше сложимся. Твои триста и мои пятьсот.

И не договорила, потому что гримаса исказила его лицо.

– Милочка, я тебя очень прошу, никогда больше так не говори!

– Как? – глядя на него, испугалась она, потому что не сразу сообразила.

– Мы с тобой не два парня, у которых деньги поровну, а мужчина и женщина, пусть молодые. По крайней мере я хочу быть женщиной в твоих глазах. Ты не можешь потерпеть?

– Пока ты разбогатеешь, – подхватила она. – Ну, если ты такой щепетильный.

– Вот именно, ты нашла правильное слово: щепетильный. Мне не все равно, какого мнения будет обо мне любимая женщина.

– Прямо сразу и любимая, – заврещничала она. – Ты второй раз меня видишь.

– Но надеюсь, не последний?

Он проводил ее к дому Тамары, где она опять временно жила, но не стал ничего спрашивать, что это за квартира и нельзя ли в ней получить чашку кофе, а просто попрощался и сказал:

– А как ты смотришь на то, чтобы опять прийти ко мне на свидание?

– Положительно, – улыбнулась она.

Димка опять поцеловал ей руку и восторженно заявил:

– Я тебя просто обожаю!

Глава шестая

– Если ты хочешь, мы можем пойти ко мне, – заговорил он в следующее их свидание и тут же поспешил добавить: – Посмотришь, какая у меня мастерская, что я рисую... рисовал.

Людмила улыбнулась: ей было приятно, что он не пытался на нее наехать, как в свое время Рыжий, и не сюсюкал, как Коля Переверзев, а просто говорил как со своей девчонкой, стараясь ее при этом не обидеть.

То есть в прошлый раз он сказал кое-что шокирующее, но извинился же. Точнее, понял, что подобные приколы не будут способствовать улучшению их отношений, и теперь не допускал никаких пошлостей.

Надо сказать, что Люда себе немного удивлялась. Раньше она не была такой чувствительной. И порой в ее присутствии парни позволяли себе куда более крутые выражения.

Но это другие. С которыми у нее не было ничего похожего.

– Кстати, а почему ты своему армейскому начальству не скажешь, что ты художник?

– Не хочу, – поморщился он. – Рисовать какие-нибудь дурацкие плакаты или дебильную стенгазету. Нет, уж лучше я буду траншею копать... Так ты не ответила: хочешь пойти ко мне в студию или нет? Слово даю, приставать не буду.

– Знаем мы, что такое слово! – буркнула она и смутилась, услышав: «А что, прецеденты были?»

Он вообще время от времени вставлял в свою речь такие вот умные словечки, и, хотя Люда сама была из интеллигентной семьи, это ее напрягало. В том смысле, что она казалась себе недоучкой и вообще человеком второго сорта.

В свое время она нарочно – назло матери или бабке? – чистила свою речь, избавляясь от «умностей», а теперь, выходит, они бы ейгодились?

Как ни странно, от этих мыслей ей вдруг захотелось поступить в институт и учиться, чтобы получить высшее образование. Соответствовать своему новому парню. Она не сомневалась, что он будет любить ее и такой, но ей захотелось быть еще лучше. Умнее, образованнее...

Когда ей говорила об этом мать, Людмила презрительно фыркала и говорила, что она и так умная. Вот дурочка!

– Ну что, пойдём? – затеребил ее Димка, и она пошла.

То есть молодые люди поехали на маршрутке, а потом еще пару кварталов шли пешком, и Людмила наконец спросила о том, что ее удивляло:

– Слушай, а почему ты с прапорщиком воюешь?

– Потому, что он конченный. Ему над солдатом поиздеваться как не фиг делать! Парни его боятся, а мне – до фонаря.

И опять это была не похвальба.

– А как ты его достаешь?

– В основном вопросами. Он же, как все не слишком умные люди, любит рассуждать. Послушать, сплошная жесь, вот я и спрашиваю по ходу дела. А он тут же начинает орать: «Князев, засунь свой язык в задницу!» Ну я и спросил: «А в чью?» Ты бы его видела. На него ступор нашел, глаза выпучены, как у рака...

– Знаешь, я бы тоже на его месте разозлилась. Тем более он старший по званию. Ты не прав.

– А ты всегда права?

Людмила смутилась.

– Чего нет, того нет... Только в последнее время я все чаще думаю о том, что криком, ором ничего в жизни не добьешься. И оказывается, добиваются того, чего хотят, люди тихой

сапой, улыбкой, дипломатией. Кто хочет иметь рядом человека, от которого не знаешь, чего ждать...

Слышала бы ее бабушка!

– Вот уж не думал, что ты такая рассудительная, – сказал ей Димка.

– Я и сама не думала.

Людмила прошла в квартиру с темной прихожей, сунула ноги в тапки, которые он подал ей – одной хватило бы для двух ее ног, – и, едва войдя в комнату, ахнула от яркого, слепящего света: почти всю стену от пола до потолка занимало огромное окно.

Она осторожно подошла к нему и боязливо взглянула – ее взору открылась великолепная панорама города – мастерская Князева располагалась на девятом этаже, на самом верху многоэтажки.

– Какая у тебя шикарная квартира! – сказала она восхищенно.

– Только окно и шикарное, – рассмеялся он. – Знаешь, во сколько оно мне обошлось?

Но Людмиле было интересно вовсе не это.

– А если разобьется? Падать с такой высоты – верная гибель...

– Эта мысль каждому приходит в голову. Но во-первых, по карнизу идет металлическая сетка, а во-вторых, стекло небьющееся. Даже точнее, пуленепробиваемое. Зато посмотри, сколько света. Стена выходит на юг, так что в окно почти всегда светит солнце.

– И летом жара, наверное.

Димка согласился:

– Опасность есть, но мой сплит прекрасно с этим справляется.

– И штор нету.

– А зачем? Кровать у меня закрывается пологом. Но при желании прямо с нее можно смотреть в звездное небо.

Он подошел к небольшому комоду и достал из него стопку постельного белья.

– Молодец сестра, не подвела. Чистое белье всегда имеется.

– Ты же говорил, что полгода не был в увольнении!

– Мне хотелось, чтобы ты меня пожалела: какой я несчастный, всеми брошенный.

Людмила прикусила губу, чтобы не расхохотаться, но сказала строго:

– Значит, и домой ты ходишь, и с родителями видишься.

Димка укоризненно взглянул на нее.

– Милочка, тебя, что же, никто никогда не обманывал?

– Обманывали.

Он поинтересовался снисходительно:

– Тогда почему ты веришь всякой ерунде?

– И всякому трепачу, ты это хотел сказать?

– Все, сдаюсь! – Димка поднял руки. – И обещаю тебя больше никогда не обманывать.

А то как будто ребенка дуришь.

Он обнял ее за плечи.

– Значит, и насчет того, что приставать не будешь...

– Врал! – охотно признался он. – А ты против?

– По крайней мере, – желчно заметила Людмила, – имей в виду: если я залечу, аборт делать не буду.

– Какой аборт, детка! – Он подхватил ее на руки и прорычал в самое ухо: – Неужели мы с тобой одного ребенка не прокормим?

Балабол.

Как-то все у них произошло в первый раз странно. Слишком узнаваемо, что ли. Будто они жили вместе уже много лет и знали друг о друге все. Что кому нравится, кто как любит. По

крайней мере Людмила даже охрипла от крика, который не могла сдержать, а Димка закусывал губу, чтобы не следовать ее примеру, и лишь тихо постанывал.

Потом он продолжал обнимать Люду, уткнувшись носом в ее шею.

– Я сразу понял, что это ты.

– В каком смысле?

– Что мы подойдем друг другу.

– Неужели это так редко бывает? Мужчины и женщины ведь созданы друг для друга. С универсальной резьбой, – грубовато пошутила она, потому что даже испугалась собственной реакции на то, что всегда считала не слишком интересным. Успокоила себя тем, что, как медик, она может говорить в таком тоне.

Оказалось, что она вовсе не безразлична к сексу и ей нравится заниматься этим именно с Димкой, потому что он открыл ей новый мир ощущений, для которого надо было... может, и не любить друг друга, но по крайней мере чувствовать себя единым существом... И звезды за окном теперь вспыхивали у нее перед глазами и сердце падало куда-то вниз, и замирало, и начинало учащенно биться, и от этих чувств хотелось плакать.

– Ради тебя я мог бы дезертировать из армии, – сказал он, не обращая внимания на ее приколы.

– Еще чего придумал! Я тебя и так подожду.

– А давай ты переедешь ко мне и будешь жить здесь, в моей мастерской? А когда я вернусь, мы поженимся.

С кровати, на которой они лежали, Людмила окинула взглядом квартиру, которая, видимо, была когда-то однокомнатной, а теперь безо всяких перегородок, кроме кабинетика задумчивости, была единым целым – даже кухня не выглядела отдельным помещением. Так, плита за решетчатой перегородкой и окно, в которое еда, надо понимать, передавалась в многофункциональный холл.

В холле повсюду стояли картины. А у стены – полки с красками и всякими художническими принадлежностями. И вот здесь Людмиле предлагали жить?

С другой стороны, бабка в этой квартире-мастерской ее никогда не найдет... Хотя при чем здесь бабка? На самом деле Людмиле хотелось бы приходить сюда после работы, смотреть на город днем и на звездное небо ночью. И ждать, когда хозяин вернется домой...

Бабку она видеть не хотела. И с родителями созваниваться – тоже.

Как бы Димка ни уверял, что своих родственников Люда скоро простит, она все еще тянула, все думала, что мама с отчимом перед ней виноваты, несмотря ни на что. Наверное, потому, что прости их и автоматически сама станешь виноватой. Ишь как она легко раздала всем сестрам по серьгам!

Если быть справедливой, Людмиле сначала надо разобраться в себе.

– А ты не передумаешь? – сказала она вслух вопросом на вопрос. Правда, после него было сказано еще кое-что, но она старалась об этом не думать. По крайней мере пока. «Посмотрим», – могла бы сказать она, но это его предложение не стала уточнять. А вдруг он сказал просто так? Ну как в том дурном анекдоте: «Ты же говорил, что на мне женишься! – Мало ли, что я говорил на тебе».

– Крокодилы назад не пятаются! – сказал он смешную фразу.

– Разве ты крокодил? – прыснула она.

– Еще какой!

И легонько ткнул ее пальцем в живот, она куснула его за плечо, и оба начали барахтаться, как два шаловливых щенка. Да они, наверное, и были бы щенками для кого-то, кто стал бы наблюдать их со стороны.

Как это, оказывается, здорово, когда не надо ни притворяться, ни вздрагивать от неверного движения, ни ждать какого-нибудь непристойного предложения, ни стесняться... А все происходит естественно, как дыхание, как жизнь...

Он что-то сказал... Чтобы Люда осталась здесь, в его квартире.

– Жить здесь? А что, надо подумать!

– А я буду звонить тебе и сообщать, когда приду. А ты будешь готовить обед... Кстати, ты умеешь готовить?

– Самое необходимое – умею, а остальное – научусь!

– Я подарю тебе поваренную книгу, и ты станешь все кулинарные эксперименты проверять на мне. Представляю, как я теперь стану жить от одного увольнения до другого, и помирюсь с прапорщиком... Я даже стану его любить...

Людмила, не выдержав, рассмеялась:

– Вот этого не надо, народ не так поймет. У нас на экране и так слишком много мужской любви. – А потом она вспомнила: – Вообще-то я уже снимаю квартиру...

По настоянию мамы Люда и в самом деле сняла для себя однокомнатную квартиру. Совсем недалеко от аптеки, где она по ночам работала.

Теперь, если соглашаться на Димкино предложение, можно не продлевать оплату за квартиру. И в самом деле, для нее она слишком дорога. Получается, что Люда слишком завязывается на родительские деньги.

Когда вечером молодые люди расставались, Димка повторил свое предложение:

– В самом деле живи у меня. Я позвоню сестре, чтобы она больше сюда не приходила.

И Люда согласилась. Проводила Димку до контрольно-пропускного пункта. У него было увольнение до одиннадцати часов вечера, и оставалось еще двадцать минут, так что потом он стал провожать ее.

– Теперь я буду волноваться за тебя, – сказал он и остановил такси. – Отсюда до моего дома недалеко. Вот возьми. Семьдесят рублей. Тебе должно хватить. – И, заметив, что она улыбается, горячо пообещал: – Вот видишь, я заработаю столько денег, что ты никогда не будешь знать в них нужды!

«Мальчишка совсем», – подумала она нежно, хотя Димка был старше ее на три с лишним года.

Люда добралась до квартиры, в которой ей предстояло теперь жить, без приключений. Завтра она поедет на свою старую квартиру и принесет оттуда сумку с вещами.

Можно было бы позвонить, сообщить матери свой новый адрес... Скорее всего она уже приехала и тщетно названивает доченьке по городскому телефону. Ничего, в крайнем случае позвонит на мобильник.

И тут же горько усмехнулась: размечталась! Мать о ней волнуется! У родительницы хлопот хватает с Максом. Ребенок во второй класс пойдет.

И опять такой она показалась себе незащитной, такой никому не нужной, даже Димке, что захотелось сделать что-то такое с собой... Стереть себя с лица земли, вот что!

Хотя минуту спустя ей стало стыдно от того, что позволяет заводить в голове подобным мыслям. Разве она истеричка? Разве совсем беспомощная настолько, что сама не может о себе позаботиться?!

Как все-таки тяжело. Как больно вдруг открыть для себя собственную ненужность. И уговаривать, что это не так. Когда можно всего лишь выпить несколько пачек снотворного – и больше никаких проблем решать не надо.

Однако стоит такой мысли появиться, и, похоже, она уже не уходит. И приводит за собой еще ворох таких же мыслей. Отстаньте от меня все!

Ведь все хорошо. Откуда у нее такое беспокойство? Ни с того ни с сего ее начинает колбасить. На ровном месте! Димка не попросил у нее сотовый телефон. Был уверен, что она никуда

из его квартиры не уйдет и потому он в любое время может позвонить сюда? Непонятно, что плохого в том, что он ей доверяет? Он даже не знает, где она живет, и не поинтересовался.

Если бы даже Димка решил ее искать, то пришел бы к дому Тамариных родителей, где, кроме мамы ее подруги, Люду никто не знает... Вот ведь привязалась к ней эта тревога! Зачем ему знать то, что скорее всего и не понадобится?

До сих пор никто не делал Людмиле предложения, а Димка говорит об этом как о деле решенном. Может, именно это ее беспокоит?

Значит, теперь у Людмилы будет почти свое жилье. Туда во время увольнений будет приходить Димка, и они станут жить как муж и жена... Он что-то говорил насчет их будущего, но Люда была уже достаточно опытной, чтобы знать: не все то, что люди говорят в минуту вдохновения, стоит принимать за чистую монету. То есть в тот миг они сами верят в то, что говорят, а немного времени спустя могут даже удивиться: чего вдруг их так растащило?

Людмила подошла к окну и взглянула в него. Интересно, если разбежаться и прыгнуть, неужели и правда стекло выдержит? А нет – так тебя поймает сетка?

Но тут в замке заворочался ключ, и кто-то попытался открыть дверь, которую по совету Димки она закрыла на небольшой, но прочный засов.

Глава седьмая

- Кто здесь? – спросила она дрожащим голосом.
- Откройте, это Фил, друг Димы. Разве он вам обо мне не говорил?
- Не говорил, – сказала Людмила, не делая попытки открыть дверь.
- Тогда откуда, как вы думаете, у меня ключ?
- Не знаю!
- Откройте!
- И не подумаю.

В конце концов, она первая пришла, вот по праву первого и будет здесь жить. По крайней мере сегодня... Все-таки Димка не похож на человека, который может забыть о такой вещи, как лишний ключ. Черт возьми, какое дурацкое положение!

– Ерунда какая. – По голосу было слышно, что он начинает злиться.

– Димка мне о вас ничего не говорил, – сказала Людмила помягче; потопчется, потопчется, да и уйдет. Не может же быть, что ему ночевать негде.

Но потом ей стало стыдно. Непонятно почему, кстати. Ведь ее поселил в этой квартире не кто-нибудь, а сам хозяин. Тот же, что сейчас за дверью, вообще неизвестно кто! Но то, что он знает Димку, однозначно. И у него есть ключ, что тоже факт.

Одним словом, Людмила взяла и открыла дверь. Не бандит же, в самом деле, стоит за дверью!

Оказалось, лучше бы бандит. Потому что едва Люда взглянула ему в глаза, как поняла, что попалась. Причем человеку грубому и беспощадному. И так глупо! Что ей стоило сказать: приходите завтра, разберемся? Можно было сходить к КПП Димкиной части и попробовать вызвать его...

Наверное, кто-нибудь бы сказал, что она фантазерка. Напридумывала такое, едва взглянув на человека. Но дальнейшее показало, что интуиция ее не обманула.

Если бы у нее был номер Димкиного мобильного или она бы могла позвонить ему... куда, в армию? Не важно, куда-нибудь, возможно, с ней и не случилось бы ничего. И она могла бы спокойно ждать, когда ее новый друг придет из армии, а так...

После случившегося она не смогла бы смотреть ему в глаза. Хотя, если разобраться, виновата вовсе не она, а сам Димка, который выбирает себе в друзья черт-те кого!

– А у Димки губа не дура, – сказал вошедший, бесцеремонно ее разглядывая. – Как тебя зовут?

– Людмила, – сказала она и спросила: – А тебя?

Получилось с некоторой игривостью, хотя она всего лишь попыталась перевести их общение в дружеское русло. В том смысле как аукнется, так и откликнется. Хотя чего бы этому другу настаивать на том, чтобы она открыла? Ночь на дворе! У нее оставалась надежда, что авось обойдется.

Не обошлось.

– Меня зовут Фил.

– Филипп, значит?

– Фил, – повторил он жестко. – А еще я терпеть не могу, когда всякие телки при знакомстве уточняют: как Киркорова? – Он кого-то передразнил. – Как Головка!.. Мать моя с этого дубины стоеросового тащится, а мне страдай.

– А по-моему, красивое имя.

Она еще надеялась его смягчить.

– Люсенька, – он подошел и двумя руками взял ее за ворот футболки, – какая ты все-таки глупая.

– П-почему? – От его непробиваемости и от страха она даже начала заикаться.

– А потому, что думаешь, будто меня можно заболтать. Не на того напала, крошка.

И он рванул обеими руками за ворот так, что футболка свалилась с нее двумя неровными полосками, обнажив грудь, лишь чуть прикрытую бюстгалтером-«анжелика».

– А что это тут у нас? Красивое белье любишь? Я тоже люблю. Оно рвется гораздо легче, чем некрасивое.

– Я скажу Димке! – закричала она. – Он с тобой разберется.

Фил захохотал, не выпуская ее из рук.

– Ой, как я боюсь! Кому он быстрее поверит? Другу или почти незнакомой телке? Я скажу, что ты сама меня сюда пригласила и сама мне дала.

Людмила съежилась и заплакала, но он еще грубее рывком отдернул закрытый было полог и толкнул ее на кровать.

– Под рыдания я еще трахаться не пробовал, – заявил он, с силой раздвигая ее ноги. – Под стоны – да. Но и ты застонешь. Просто я не люблю долгих прелюдий. Они нужны тем, кто слаб в мужском деле, для меня это не подходит. Как ты уже догадалась.

И он впился в ее губы так, что и в дальнейшем Люда ничего, кроме боли, не чувствовала. Потом он просто отодвинул ее от себя – отшвырнул – и повернулся к стене, чтобы тут же заснуть.

Так Людмилу еще никто не унижал. То есть встречались ей пару раз не слишком ласковые мужчины, но чтобы вот так, нисколько с ней не считаясь? И главное, за что? Понятное дело, попасться в руки рядовому насильнику, маньяку или садисту, но тому, кто объявляет себя другом твоего парня? А как же, скажи мне, кто твой друг, я скажу, кто ты? Сколько раз можно наступать на одни и те же грабли? И вообще, почему она решила, что Димка – хороший человек?

Ее одолевали вопросы, и тщетно она задавала их самой себе. Вопросы отодвигали случившееся куда-то в глубь сознания, и потому унижение не воспринималось так остро. Хотя за ними грозно вставал куда более страшный вопрос: а что, если Димка этого человека вовсе не знает? Тогда он не поверит, что Людмила жертва, а, скорее, решит, что она сама привела сюда этого... Филиппа!

Людмила потихоньку сползла с огромной кровати, на которой была по очереди с двумя мужчинами, и пошла в душ.

У Димки в квартире была самодельная душевая кабина. Внизу небольшой поддон или основа из такого же материала, как и рядом стоящая раковина, – она не могла подобрать другого названия, а поверху – изогнутая дуга-направляющая из нержавейки, на которой крепилась шторка – тоже со звездами. Димка вообще, кажется, любил все связанное с небом. Надо посоветовать ему, чтобы после армии он пошел учиться на астронома...

О чем она думает! Никакого Димки больше не будет, потому что сейчас Люда домоется и уйдет. Она никогда не сможет рассказать ему, что случилось на его кровати всего через полтора часа после ухода хозяина.

Она больше не спрашивала неизвестно кого: за что? Есть за что! За то, что наплевательски относилась к своей жизни. За то, что не уважала саму себя и позволяла другим себя не уважать. Стоит ли удивляться тому, что наконец пришла расплата.

Людмила представила довольное лицо Фила. И то, как легко он пресек ее попытки сопротивления, и ей стало обидно. Да что там, ее вдруг взяло такое зло, что эта волна захлестнула ее, смывая всякие там условности и издержки воспитания.

Это было такое зло, которое не рассуждает. Примитивное зло. На весь белый свет, и на Фила в частности.

Почему они все думают, будто с Людой можно не церемониться? И бабка, и родители, в смысле родная мать, и этой убудочный Фил?! Все до последнего!

Потому что она не может постоять за себя? Так они глубоко ошибаются.

Она вышла из ванной в огромном банном полотенце – как раз таким, как любила, чтобы им можно было замотаться, как в кокон, и прошла на маленькую кухню.

Еще когда они заходили сюда с Димкой, она успела увидеть, что на кухонном столе возле мойки стоит набор ножей.

– Немецкие! – похвастался Димка. – Знаешь, какие острые!

Теперь она хотела в этом убедиться, что называется, на живом примере.

Она подозревала, что у нее что-то случилось с головой. И в самом деле какая голова выдержит, чтобы все, кому не лень, в нее лезли или пихали туда, как в мусорный ящик, всякую ненужную ей информацию.

Это даже хорошо, что у Людмилы нелады с головой. Потому что, будь она в полном порядке, сейчас бы начались всякие там сомнения – лъзя, нельзя, а тут можно действовать так, как хочется... твоей левой ногой!

Словом, она пошла в кухню и выбрала там самый длинный нож. Прикинула, что у Фила руки длинные, но она все равно должна его достать. Именно таким ножом.

Этот Филипп вообще по сравнению с Людмилой такой огромный. Не то что Димка, его параметрам Людмила вполне соответствовала.

Почему она говорит о Димке в настоящем времени? Теперь ей нужно привыкать к слову «был». Да, именно так: у нее был Димка, хороший парень, который почему-то водился с плохими парнями. За что и поплатился. По крайней мере свою Милочку он потерял...

Она перехватила рукоятку ножа поудобнее и вернулась в комнату.

Подошла к кровати, на которой разметался ее насильник, усмехнулась в его белеющее в полумраке комнаты лицо и тихо сказала:

– Прощайся с жизнью, козел!

Ну вот почему у таких подонков есть еще и ангелы-хранители? Им везет там, где любой другой сломал бы себе шею!

Фил проснулся в тот момент, когда Людмила занесла над ним нож, как-то по-бабьи взвизгнул и откатился на другой край кровати. Но она успела полоснуть его ножом по руке.

Плохо только, что он от вида собственной крови не испугался, а словно возбудился.

– Ты хотела меня зарезать! – радостно констатировал он. – Думала, я не стану сопротивляться и позволю какой-то блохе меня укусить?

И вдруг бросился на Людмилу. Как она ни следила за ним, а все равно отреагировать не успела.

Да и откуда бы у нее взялась такая же реакция? Она растерялась, из-за этого утратила бдительность, а Фил поднырнул под ее руку, закрутил так, что она сама выпустила нож.

Начал было ее пугать тем же ножом. Делал вид, что вот сейчас исполосует ее всю, изрежет, но не заметил и отблеска страха в ее расширившихся зрачках.

Тогда он взял нож за лезвие и метнул его в стену. Наверное, стены были из дерева или гипсокартона, потому что нож воткнулся и даже зазвенел, раскачиваясь.

А Фил потом сказал будто самому себе:

– Нет, так неинтересно. Я хочу, чтобы ты боялась, а то как будто обкололась, выпучила свои глазщищи, и ничего, дупль-пусто!.. Не волнуйся, я что-нибудь придумаю. Фантазия у меня богатая, ты еще увидишь... Но в любом случае тебя надо вначале обезвредить.

То, что происходило дальше, показалось Людмиле дурным сном. Не могло такое случиться с ней. Она еще думала, будто Рыжий плохо с ней обращался. Да по сравнению с Филом он был просто святой. По крайней мере обходился с Людой в силу своих представлений об отношениях мужчины и женщины. Типа, что мужчина должен быть силен, без сантиментов и пресекать попытки женщин его приручить.

Фил же считал, что мужчина должен быть не только сильным, но и безжалостным, а женщина – безоглядно подчиняться ему и не иметь своего мнения. В крайнем случае держать его при себе. А если она этого не делает, значит, она еще дикая, неприрученная и с ней надо себя вести как с дикой. Пантерой там или львицей. Одним словом, как с животным. Использовать кнут так, чтобы от одного его щелчка у нее поджилки тряслись. Речи о том, чтобы женщиной дорожить, у него, похоже, не было. Использовал – и можешь выбросить.

Это Люда себе так объяснила, когда лежала на кровати, беспомощная, предоставленная ироническим взглядам своего мучителя.

Ко всему прочему она вовсе не считала свою фигуру идеальной, а потому его взгляды, иронично-брезгливые, воспринимала даже болезненнее, чем удары. Он будто инспектировал ее достоинства и недостатки, не говоря ничего о своих впечатлениях, но их легко можно было додумать.

И опять она стала мысленно вопить и стучать себя в грудь и призывать кого-то в свидетели: что она сделала такого, кроме собственных ошибок, за которые сама и страдает? Сделала плохо только самой себе, и за это судьба ее так наказывает? Разве она покусилась на чужое? Кого-то обокрала или убила?..

Вот она хотела убить, пусть и плохого, человека! А это большой грех. Сказано: не убий.

Вообще это неправильно. Насильников нужно убивать. Они, как бешеные собаки, не признают законов общества, в котором живут, а потому должны уничтожаться... Агрессия из нее так и прет! Если нельзя убить, что же делать?

Эти люди присваивают себе право жить, как им захочется. Ни с кем не считаясь. А с другой стороны, все остальные должны знать о том, что насильники живут рядом, и принимать против них свои меры.

Например, Людмила могла просто открыть дверь и сбежать... То есть такая мера не совсем против, это мера самосохранения.

Но и бежать в одном полотенце – не лучший выход, потому что за своей одеждой нужно было возвращаться в комнату, где неизвестно, как крепко, спал Фил, и это было рискованно.

Но она-то все равно вернулась. И вот итог! Лежит теперь обездвиженная, беспомощная, как жертвенная овца.

Глава восьмая

Беспомощной она ощущала себя потому, что для начала Фил стащил с нее полотенце, в которое Людмила замоталась, привязал ее, обнаженную, к кровати, а потом, наскоро перевязав, кажется носовым платком, нанесенную ножом рану, расположился в кресле напротив со стаканом водки, в котором поблескивал лед.

– Тебе не предлагаю, – сказал он, усмехаясь, – у тебя и своей дури хватает.

Он скосил взгляд на свою перевязанную руку.

– Надо же, мужики меня ни разу не порезали, а тут – баба!

Фил позвенел в бокале кусочками льда.

– Где-то я такое видел. Ах да, в старом фильме. Кажется, «Девять с половиной недель». Там герои со льдом играли.

Подойдя ближе, он быстрым движением вывалил лед из бокала прямо ей на грудь. Людмила вздрогнула от неожиданности, так что льдинки скользнули по ее коже и скатились на кровать.

– Ну вот, простыню намочила!

Он коротко ударил ее по щеке. Как-то резко, кончиками пальцев, но очень больно. Люда закрыла глаза, и одна слезинка скатилась по ее щеке.

– Так, наверное, нужно тебе глаза завязать. А то ты будешь рыдать из-за всякой ерунды. Или лучше завяжу тебе рот. Потом. А пока только глаза.

Ей стало страшно, но она и пошевелиться толком не могла, чтобы ему хоть как-то помешать. Что он задумал?

Фил хлопнул дверцей шкафа, что-то в нем поискал и повернулся к ней, чтобы в самом деле завязать Люде глаза.

– Итак, ты подняла руку на своего господина. – Он наклонился к ней близко-близко – обнаженной кожей она чувствовала жар его дыхания – и царапнул чем-то пониже груди. – Я отмечу тебя своим клеймом, чтобы знала свое место. Ты теперь моя рабыня, понятно?.. Для начала используем анестезию. Все-таки я не какой-нибудь там маньяк, а всего лишь строгий господин, который наказывает непослушную рабыню. А потому прими обезболивающее.

Фил поднес к ее губам бокал с водкой и держал ее за нижнюю часть лица таким образом, что она вынуждена была всю ее выпить.

Часть жидкости она попыталась задержать во рту, но тут ее организм содрогнулся, и водка толчком выплеснулась в желудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.